АСТРАМЕЧАЎСКІ РУКАПІС

БРЭСЦКІ РАЁННЫ КРАЯЗНАЎЧЫ АЛЬМАНАХ

№ 2 [10] • 2015

«Песні хвал Боскіх»

(іншая назва «Брэсцкі канцыянал»)

Гэта першы друкаваны нотны зборнік не толькі на Беларусі, але і ва Усходняй Еўропе. «Брэсцкі канцыянал» выдадзены пры фундацыі Радзівілаў у Брэсце ў 1558 г. (перавыдадзены ў Нясвіжы і Вільні). У «Канцыянал» разам з рознымі малітвамі, артыкуламі і настаўленнямі ўвайшлі 1- і 4-галосныя песні (каля 100), якія атрымалі шырокае распаўсюджанне ў побыце. Аўтарамі тэкстаў былі вядомыя паэты XVI ст. Тшыцэскі, Зацыус і Семідаліус. Музыку сачынілі кампазітары Вацлаў з Шамотул і Цыпрыян Базылік. Пра аўтарытэт і папулярнасць «Брэсцкага канцыянала» кажа тое, што 38 песень з яго ўвайшлі ў «Дадатак» да «Кракаўскага канцыянала» 1559 г.

«Рыцарства ўсё сышлося слаўнае залатое
Да князя Радзівіла ў Селішча Ямское.
Дым ужо за агнішчам угору слупом нясецца,
Кроў ужо маскавітаў струмянём ліецца.
Тры пасткі па ўзлессі ворагі прыхавалі,
Скеміўшы тое, літвіны з коней пассядалі.
Ворагаў у засадах гэтых ды парубілі,
Як свіней калолі, у балоце тапілі.
Але ж наперад паімчаў гуф літоўскі лепшы,
Трапіў у пастку да стральцоў, да стральцоў пярвейшых.
Дружныя залпы стральцы па літвінах пусцілі,
Потым нашых вершнікаў на канях парубілі.
Палеглі слаўны рыцары Зянкевіч ды Ціхінскі,
Быў жа яшчэ забіты там рыцар Ян Тымінскі.
Усе яны служылі ў Ёрдановай роце,
Доўг свой Айчыне аддалі рыцарскі ў годнай цноце.
Многія князя рыцары праз ворага падманы
Зведалі ран крывавых, цяжкія мелі раны.
Ды Радзівіла слугі раны пературывалі,
За кроў забітых літвінаў ворага пакаралі.
Шмат хто ў бітве з ворагаў там галавы пазбыўся,
Ці пад ударам дзіды навек угаманіўся.
Секлі баярскія ілбы, секлі і білі многа,
Там жа вязалі ў палон маскаля ліхога.
Гетман аплакаў палеглых, годна іх пахаваўшы,
Славу героям навякі, гонар ім абяцаўшы.
Рыцараў ды герояў войска суправаджала,
Славаю іх апошні шлях годна аздабляла.
Гетман зноў загадаў трубіць, коней зноў асядлаці,
Прагне ў сечы лютай зноў маскоўца спаткаці».

Словы Андрэя Рымшы (каля 1550 — пасля 1595) — вядомага беларускага паэта з паэмы «Dziesięćroczna powieść wojennych spraw... Krysztofa Radziwiła...» («Дзесяцігадовая аповесць ваенных спраў князя Крыштафа Радзівіла»). Паэма выдадзеная ў 1585 г. у Вільні, апісаныя ў ёй падзеі адбываюцца ў 1580 г.

Музыка з нотнага зборніка «Piesni Chwal Boskich» Яна Зарэмбы 1558 г. Адаптацыя тэкста да мелодыі выканана З. Сасноўскім.

АСТРАМЕЧАЎСКІ РУКАПІС

БРЭСЦКІ РАЁННЫ КРАЯЗНАЎЧЫ АЛЬМАНАХ

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНАЕ ЛІТАРАТУРНАЕ ВЫДАННЕ

БРЭСЦКІ РАЁННЫ ВЫКАНАЎЧЫ КАМІТЭТ

АДДЗЕЛ ІДЭАЛАГІЧНАЙ РАБОТЫ, КУЛЬТУРЫ І ПА СПРАВАХ МОЛАДЗІ РАЙВЫКАНКАМА

БРЭСЦКАЕ АДДЗЯЛЕННЕ САЮЗА ПІСЬМЕННІКАЎ БЕЛАРУСІ (ГРАМАДСКІ ФУНДАТАР)

РАЁННЫ ДОМ РАМЁСТВАЎ

Кантакты:

(+375 29) 20-161-02
(+375 162) 965-957
e-mail: kotlas@tut.by

Падпісана да друку 26.05.2015.
Фармат 70х100 1/16. Гарнітура PF Agora Serif Pro.
Тыраж 99 экз. Ум. друк. арк. 8,10.
Друк цыфравы. Надрукавана ТДА «Артлайнсіці»,
г. Брэст, вул. Карбышава, 74.
Арыгінал-макет падрыхтаваны
ТАА «Паліграфіка», зак. 118-2015.
Пасв. 2/2 ад 16.08.2013, пасв. 1/22 ад 16.08.2013,
вул. Стафеева, 21, 224007, г. Брэст
тэл. (+375 162) 49-26-79, www.poligrafika.by

1-я с. вокладкі: Воробьева Ольга.
После утренней прогулки

1-я і 4-я с. вокладкі: Рушнік Галіны Крысанавай

У афармленні выкарыстаны выцінанкі мастачкі Святланы Вяль

Выходзіць штоквартальна
Мова: беларуская, руская

№ 2 [10]•2015

У НУМАРЫ:

Остромечевский вальс

Слова Владимира Ситухи *Музыка Анатолия Полухина*

Остромечево свыше намечено,
Предначертано яркой судьбой
В нашем крае певучем и песенном
Увлекать и вести за собой.

Припев:

Растроганы души и песни звенят,
Здесь столько влюбленных
в землицу ребят.
Глаза у девчонок здесь счастьем горят,
У этого счастья есть верный гарант.

Улыбнуться здесь каждому хочется,
Перспективы большие манят.
А беда, если вдруг наворотится,
Здесь с тобою ее разделят.

Припев.

Очень многими счастье здесь встречено,
Начинаний хороших не счесть.
Здесь судьбою навеки повенчаны
И сноровка, и удаль, и честь.

Припев.

Плывет над землею и радует нас
Самим Остромечево сложенный вальс.
И песенка эта нам веру дает,
Роднит, согревает и к цели ведет.

АСТРАМЕЧАВА І АСТРАМЕЧАЎЦЫ

Застывшая в дереве музыка

Кому доводилось бывать в Остромечево, тот видел, как любовно, добротно и мастерски украшены малыми архитектурными формами улицы агрогородка, дворы коттеджей и интерьеры предприятий соцкультбыта, какая затейливая резьба на окнах жилых домов и в офисах служебных помещений, с какой выдумкой оживлены резными деревянными скульптурами и композициями производственные участки и отдельные здания. Однако мало кто знает имена авторов всего этого великолепия, застывшей в дереве музыки...

Итак, знакомьтесь: Геннадий Петрович Кравчук. Столяр стройкомбината СПК. Резчик по дереву и инкрустатор. Художник. Скульптор. Творец.

...Родился белорусский хлопчик Генка в деревне Завелёвье Дрогичинского района. Мать работала дояркой, трудилась на местном комбикормовом заводе, на других рабочих должностях. Отец — столяр, строитель. В семье была еще старшая сестренка — девочка рассудительная и прилежная, ставшая впоследствии банковским служащим. А Кравчук-младший отличался необычной тягой к рисованию и, пожалуй, с детских лет мечтал выучиться на архитектора. Врожденное художественное воображение позволяло ему видеть все свои многочисленные карандашные рисунки и наброски в объеме, в перспективе.

После окончания Брошевичской десятилетки попытался было поступить на архитектурный факультет Брестского инженерно-строительного института, но не получилось... Затем была служба в армии — и вновь попытка стать дипломированным специалистом... На сей раз испытывал удачу в приемной комиссии столичного вуза.

Как это часто случается с молодыми людьми, ищущими свою судьбу вдали от родных мест, в конечном итоге адреса исполнения их желаний отыскиваются совсем близко, рядышком с отчим домом. Как раз в то время объявили первый набор в Кобринское училище народных промыслов — и молодого парня, абитуриента, обладавшего отличными художественными способностями, охотно туда приняли.

Так же охотно Геннадий и учился, постигал народные промыслы, секреты мастерства резчика по дереву.

И надо же такому произойти — к концу двухлетнего курса обучения в училище приехал председатель СПК «Остромечево» Алексей Степанович Скакун. Он делал заказ на оформление фасадов коттеджей растущего на тот час Остромечевского агрогородка и присматривался к будущим мастерам, потенциальным своим работникам. По рекомендации преподавателей выбор пал на лучших, среди которых оказался и Геннадий Кравчук. Вместе с ним для работы в Остромечево было отобрано еще трое ребят.

Пожалуй, с этого момента и началась для резчика серьезная, ответственная эпопея. Да и было где развернуться. В Остромечево действовали цех народных промыслов, цех керамической плитки, художественная мастерская, мастерская шелкографии.

Молодые мастера изготавливали резные ставни, наличники для окон, продумывали дизайн внутренних и внешних жилых интерьеров. Коробки кирпичных и панельных домов и коттеджей центральной усадьбы колхоза и производственных участков буквально преображались, во дворах стали появляться привлекательные деревянные скульптуры, малые архитектурные формы с национальным белорусским колоритом. Волна художественно-эстетических преобразований не миновала также детские сады, школы, амбулаторию, Дворец бракосочетания, Дом культуры...

Перечень деревянных скульптур и изделий мастера Кравчука можно продолжать долго. Это скульптурная композиция «У сада» возле д. Кошилово, «Гармонист» на центральной площади агрогородка, «Водяной» на животноводческом комплексе, стилизованные скульптуры на темы гоголевских «Вечеров на хуторе близ Диканьки», красочно оформленные места отдыха на производственных участках, роскошный деревянный трон в католическом костеле д. Чернавчицы и многое другое. А сколько объемно-рельефных панно и миниатюр родилось из-под его резца! Какой ажурной резьбой украшены интерьеры Дворца бракосочетания в Остромечево! Какие шикарные столы и вешалки под старину появились в последнее время в служебных кабинетах СПК! А Музей Казимира Лыщинского в СШ д. Лыщицы, реконструированный и обустроенный к 380-летию философа-просветителя!

Сегодня Геннадию Кравчуку трудно вспомнить, в какую из деревянных скульптур на территории агрогородка и ближайших окрестностей вложено больше сил и кто из его товарищей по работе внес в совместную работу больший вклад. Для жителей Остромечево, многочисленных гостей и приезжих, для самих мастеров это неважно. Главное, что повсюду поселилась Красота, застывшая в дереве Музыка...

Биографию моего героя нельзя назвать прямой и гладкой. Был период, когда он ушел из колхоза, ездил на работу в областной центр. Конечно, бесполезным это время для мастера не прошло — занимался в одной фирме изготовлением деревянных лестниц, набирался опыта. Но в конечном итоге вернулся в Остромечево, где получил квартиру, постоянно жила семья, подрастали дочь и сын. Одно время работал в местной школе учителем труда. Потом возвратился на прежнее место, которое после преобразований стало именоваться стройкомбинатом. Сегодня числится здесь столяром.

Добрым словом вспоминает Геннадий своих напарников, с которыми начинал трудовую биографию. Это Виктор Шумкевич, Леонид Якута, Александр Жук. Из всех бывших выпускников Кобринского училища народных промыслов, приехавших по приглашению А.С. Скакуна в Остромечево, на сегодняшний день здесь остался только один — Геннадий Кравчук. А еще — его многочисленные скульптуры...

Время не стоит на месте. Выросла дочь — стала художником-модельером в брестской фирме художественного женского шитья «Элема», пошла по стопам отца. Сын учится в железнодорожном колледже Бреста. Жена Людмила Васильевна — воспитатель детсада в Остромечево.

Все вроде бы ровно, хорошо. Однако мастеру неймется. Не хватает ему, что называется, простора, объекта приложения творческих сил — иначе и не был бы он настоящим художником, творцом... Тут и план выполнять требуется, и скучные производственные задания выполнять. Не всегда есть под рукой нужный материал — дуб, ясень, липа. Попробуй создать что-нибудь путное из корявой ольхи или худосочной сосны и заниматься простейшими лавками и тарными ящиками, когда душа тянется к объемно-рельефной резьбе!

— Когда не режу, мне скучно, — признался корреспонденту Геннадий Петрович.

Он много размышляет, фантазирует. Частенько перелистывает книгу-пособие по резьбе, присланную из Германии другом Леонидом Якутой.

Мечтает о новых, больших и сложных заказах и проектах.

Удачи тебе и творческих вершин, Мастер!

Александр ВОЛКОВИЧ

Хроника церкви Св. апостола Иоанна Богослова в д. Черни в двух фотографиях

По словам настоятеля церкви священника Василия Бельтюкова, о церкви упоминается еще в 1861 году при священнике Василии Качановском. Построена церковь в 1877 году прихожанами при помощи правительства. Церковь деревянная, с такой же колокольней.

Церковной земли было 158 десятин 904 сажени: усадебной — 2 десятины, сенокосной — 24 десятины, лесной — 73 десятины 1134 сажени и выгонной — 5 десятин 2170 сажен. Прихожан на 1899 год 1613 человек в семи селениях: Черни, Бердичи, Братилово, Велюнь, Климовичи, Люшенка и Селяхи. Самые отдаленные от церкви — Велюнь и Климовичи — в 6 верстах каждое. Имелось народное училище в Чернях, с 50 учащимися мальчиками и 4 девочками. Причт состоял из священника и псаломщика.

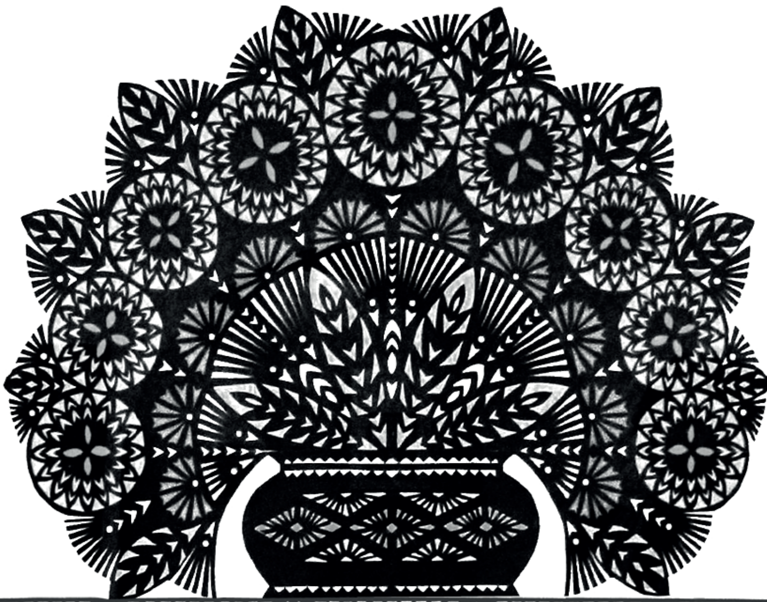
Разрушена в 1965–1966 годах. Рядом с церковью находились могилы нескольких священников и представителей рода местных помещиков Штернов (православных немецкого, по-видимому, происхождения). Надгробия были снесены. На месте церкви оборудовали спортивную площадку.

Фото времен 1-й мировой войны. 1916 г.

Восстановлена на старом месте в 1997 г.

Источник: Энцыклапедыя «Гарады і вёскі Беларусі», том 3 (Брэсцкая вобласць), кніга 1

НАРОДНЫЯ СВЯТЫ І ЗВЫЧАІ БЕРАСЦЕЙШЧЫНЫ



Вяселле на Берасцейшчыне

Сватанне

Іна Швед,
доктар філалагічных навук,
прафесар кафедры беларускага
літаратуразнаўства
БрДУ імя А.С. Пушкіна

Згоду на «злучэнне», шлюб, намагаліся атрымаць падчас **сватання**. Час сватання (ды вяселля) вызначаўся гаспадарчым цыклам (фактычна немажліва ладзіць вяселле ў час севу, жніва і пад.), згодна з народным календаром як сістэмай чаргавання мясаедаў і постаў, будняў і святаў, рэгламентаваўся шэрагам прадпісанняў і забарон, у прыватнасці забаронай на сватанне і вяселле падчас усіх чатырох постаў (Вялікі, Пятроў, Успенскі, Філіпаў), у тыя ці іншыя дні тыдня, маркіраваныя як посныя, нядобрыя, цяжкія, памінальныя, у вісакосны год, вялікія святы. Вяселлі не спраўлялі ў хаце, дзе не скончылася гадавое памінанне памерлага. У сваты пачыналі хадзіць у свята св. Іаана Багаслова (26 верасня), а заканчвалі ў дзень св. Дзмітрыя (8 лістапада). Удалым часам для сватання лічыўся мясаед — ад Ражджаства да Вялікага посту, ад Сёмухі да Пятра. Рэгламентаванасць часу сватання і вяселляў пэўнымі каляндарнымі перыядамі адбілася ў парэміях тыпу *«Хто на Казанску жаніхаіцца, той нэ покаіцца»* (Кустын Брэсцкага р-на), *«До Пречиста девка чіста»*, *«Богослаў хлопцаў по дэвчатём разослав»*, *«На Покрову девка готова»* (Збірагі Брэсцкага р-на), *«До Дмытра дівка хытра»* (Чэрск Брэсцкага р-на) (рытуальныя тэрміны сватання і вяселля абмяжоўваліся святамі Пакрова і св. Пакутніка Дзмітрыя Салунскага). За лепшыя для сватання дні тыдня ўважаліся цотныя (каб быць у пары):

субота, радзей — аўторак, чацвер. У песнях днём сватання называецца нядзеля. Сватаць хадзілі пры поўным месяцы, а каб не сурочылі ці не даведаліся ў выпадку адмовы — у цёмны час сутак: *«А днём ны ходылы, бо то будынь. А так вжэ вэчэром у суботу ідуть»* (Галачова Брэсцкага р-на).

За гонар лічылася, калі дзяўчына не згаджалася ісці за першага ж хлопца, а адмаўляла 5–6 сватам. Ці бацькі дзяўчыны маглі адразу не даваць сватам згоду на шлюб, а пакідалі іх хлебсоль сабе, «раіліся-думалі» некалькі дзён, каб сваты не раз прыходзілі за адказам. Другое сватанне лічылася афіцыйным, пра яго дамаўляліся загадзя і здзяйснялася яно ў абавязковай прысутнасці жаніха, блізкіх сваякоў, сяброўак нявесты, ды магло мець характар папярэдніх заручынаў.

Пяпярэдняе сватанне («даведкі», «проведы», «пярэпыты») як таемнае высвятленне адносінаў да жаніха магло адбывацца праз пасярэднікаў — сваякоў, знаёмых. Пра вынік сватання, калі прыход сватоў быў нечаканым для сям'і нявесты, прадстаўнікі роду жаніха намагаліся даведацца праз варожбы, прыкметы. Прыкладам, у адзін бот насыпалі жыта, у другі — пясок, калі бралі адзін з іх і трапляўся пясок, то ў сваты не ішлі.

Уласна сватанне пачыналася з прыходу паважаных, дасціпных, з пачуццём гумару сватоў (часцей мужчын, сярод якіх звычайна быў хросны маладога, радзей — сам жаніх; маглі хадзіць хросная ці родная маці жаніха, цётка). Сучасныя рэспандэнты прыгадваюць: *«До мэнэ прыйшла свікруха, свікор, шэ якісь іхні, батько хрышчоны. Хлопэць нэсэ водку, а дівчына готовыть закуску»* (Лышчыцы Брэсцкага р-на). Часта падкрэсліваецца, што колькасць сватоў (як, дарэчы, і каравайніц) павінна быць няцотнай, «быспарнай» — нявеста стане парай. Сваты павінны быць камунікабельнымі, мудрымі, гаваркімі, з пачуццём гумару, умець расхваліць жаніха і яго род, давесці іх добрую «славу», дабрабыт, заможнасць.

Нярэдка ў хаце нявесты ведалі пра візіт сватоў. Да яго рыхтаваліся, але не афішыравалі, сама ж дзяўчына спецыяльна пакідала хату. Сваты («чужыя», як і каляднікі) адразу не заходзілі ў хату, а стукалі ў акно (ці не пераходзілі першую бэльку ў хаце) нібыта вандроўнікі, паляўнічыя, гандляры. Адпаведна выбранай іпастасі адбываўся рытуальны дыялог: госці ці хацелі набыць добры тавар, цялушку для свайго бычка, ці шукалі нейкую жывёлу, якая, па іх меркаванні, магла забегчы ў двор, або, стомленыя далёкай дарогай, прасіліся пераначаваць: *«Ну, сваты приходили как обычно... Говорили, что в нас, вот, есть купец-молодец, а в вашем доме краса-девица»* (Нехалсты Брэсцкага р-на). Сваты прыходзілі з гарэлкай (пазней — шампанскім) і хлебам-соллю, загорнутымі ў ручнік, салам, мясам, каўбасой. *«Брали 4 бутылки водки, на каждый угол стола чтоб было по бутылке. Ну, пирог пекли, потому что с пирогом шли раньше, с хлебом. Ну, и колбасу брали, конечно, две палки брали, и рушник брали»* (Нехалсты Брэсцкага р-на); *«Бралі хлеб обязательно, горілку, коўбасу. І ставілі на стол: женіх — что прінеслі, і невеста — свое. Ну і пілі-гулялі»* (Галачова Брэсцкага р-на); *«Сын прышов і кажэ: «Мамо, буду я вжэ жэнытыся, в суботу йдэмо в сваты». «А шо ты, — кажу, — раньшэ ныц нэ говорыв?» — «А, нэ говорыв, шоб ты так нэ спэшылася-готовылася». А сам на мотоцыкл, «Ява» ў його була, і паехал, паехал в Брест. Накупляв, наготовылы, стіл завалылы тым! Кажу: «Сваха, а дэ ж твоя закуска?» — «А я, — кажэ, — і нэ готовыла, бо знала, шо Ві тэ прынысэтэ, нашо*

я буду готовыты?». Ну і всё, посмыялыся, поговорылы. Спывалы хорошэ» (Лышчыцы Брэсцкага р-на).

Калі сватанне было ўдалым, яно магло перацяць у «запоіны» (ці сватанне называлася запоінамі): *«А мы з Толіком [сынам] ходылы в запоіны, то носылы так: він купыв дві бутылкы шампанского, я помню, і бутылок, мусыть, штыры водкы, а ковбасы копчоныі — тры пары о такых колец поробыла пальцэм пханэі, мяса кусок стігна спыкла — ціла сумчыска одна і друга — еле затягнулы! Братыха була, хрышчоны і шчэ... мусыть, чоловек було з пятнаццать. Я тыко говорыла, кажу: «Ну чы рады вы намы, як будэм сватамы?». А вона должна мні сказаты. «Я хустку дару, дару — кладу на стіл хустку». А на тую хустку вжэ ставять бутылкы [хто прыйшоў у запоіны]»* (Лышчыцы Брэсцкага р-на). Важнае значэнне надавалася таму, як сваты разразалі хлеб (пры ўмове атрымання згоды на вяселле): *«Як разрэжа і зразу, ужэ добра жыць будуці, і любіці яна яго, а калі там рэжа ды яшчэ трохі падумае, да ізноў і другі, і трэці, то ўжэ кажуці, што пагана будуць жыці»* (Камароўка Брэсцкага р-на). У агульных рысах сучаснае сватанне можа апісвацца наступным чынам: «[А як у вас адбывалася сватанне?] — *У нас есть женіх, у вас есть молодіца, где она работает?.. [гаварылі сваты]. Женіх выставляет бутылку, а мы свое пріготовленное»* (Пагубяцічы Брэсцкага р-на).

Пакуль «запівалі маладую», моладзь магла растрасаць салому з воза жаніха па вёсцы ў знак таго, што сваты ў хаце. Салому ці сена і ўсё астатняе з воза аднавяскоўцы раскідвалі па двары нявесты, каб раніцай, калі сваты ад'язджалі, маладыя збіралі гэта назад у воз. Падчас сватання, а потым і на наступных этапах вяселля, сяброўкі нявесты магічным чынам намагаліся забяспечыць сабе хуткае замужжа: грызлі хлеб, прывезены сватам, пасыпалі сцежкі да сваіх хатаў саломай з воза сватоў, сцягвалі ў хаце засватанай дзяўчыны палавікі. *«И девчата в окна заглядывали, и солому трясли по подворью, чтоб замуж быстрее выйти, стягивали в доме половики»* (Галачова Брэсцкага р-на).

Цэнтральнай часткай сватання-запоінаў з'яўляліся перамовы, падчас якіх высвятляўся матэрыяльны стан жаніховай сям'і, дамаўляліся аб падарунках, вясельных выдатках, прызначаўся час вяселля. Надзвычай важнай лічылася дасягнутая дамова пра пасаг, якую стараліся не парушаць. «Вясельную талаку» — жанчын і дзяўчат — маглі запрашаць бацькі маладой пасля заручынаў у выпадку, калі пасаг не быў гатовы. Запрошаныя вышывалі ручнікі, бялізну, пралі, ткалі кужаль, дралі пер'е, шылі падушкі і пярыны, прыбіралі ў хаце. Пасля талакі бацькі нявесты частавалі памочніц і запрашалі на вяселле. *«Вот девчата вжэ збыралыся, вжэ готовылы молодую — ручныкы дошывалы, платочкы, после сватыв всё готовылы. А до сватыв — то подушкы, шэ пір'е дэрлы, вэчэру робылы. Пір'е скубалы, для дівчыны дівчата дэрлы. Півна хата назбыраецця, наварыть маты і мяса, і кіселю наготовлять, і булок напычуть. Дыруть і одну нічь, і другу нічь. Поробять, тож ны одну подушку, ны дві, а було по штыры подушкі, а пяты — ясік, то для маленького, як родыцця, подушэчка»* (Лышчыцы Брэсцкага р-на).

Сучасныя рэспандэнты, апавядаючы пра свой удзел у абрадзе запоінаў, перамоў паміж сватамі, сцвярджаюць важнасць для шчаслівага жыцця маладых не столькі пасагу, матэрыяльных каштоўнасцяў, колькі любові, узаемапавагі: «Я говорю ў сватах: *«Ну шо ж... мы будем сваточкамі. І трэба добрэ*

жыты, і трэба пыты, і трэба дружыты, і трэба, штоб молодые молодых любылы». «А як жэ ж любылы?» — пытаецця в мэнэ еі родына. «Ну як любылы, нэ знаетэ, як любылы? Цюловалысь, мыловалысь, сэм'ю создавалы, нэ сварылысь. Вот такая любов повынна буты, быз скандалов, быз сваркы — вот это любов» — «А грошы шэ, пусаг!». Кажу: «Якыі шэ грошы? Воны й самы хорошы, нашо ім грошы?». І путом шэ так сказала: «Люды, ны шкодуйтэ грошы, бо воны і так хорошы. Грошы — дело нажытое. Всюду деньгі, всюду деньгі, всюду без конца. А без денег жізнь плохая — ні годітся нікуда. Деньгі — дело нажітое, об іх нечего тужіть. А любовь, діткі, дело другое — ею надо полным серцем дорожіть». То шэ тыпэр мэнэ люды спомынають. [Вы самі такі верш склалі?] То не, то со старыны, шэ колысь бабушка наша Мар'я такое говорыла. І так спывалы для молодых, як свадьбы булы» (Лышчыцы Брэсцкага р-на).

На Берасцейшчыне перад адыходам сватоў жаніх даваў нявесце грошы, а яна яму — пояс. У знак згоды на шлюб сватоў абвязвалі доўгімі ручнікамі. *«Мы свой рушник брали, корзинки, полотенца, и мы обменивались рушниками, а они нам свой оставляли, а мы им свой. И ещё, когда сваты, если мужчины, то им обвязывали такими полотенцами. Обвязывала мама, та, к которой мы пришли. То есть, если договор хороший, свадьба будет, то они свату обвязывали, давали свой рушник. А потом этот сват и на свадьбе был в этом рушнике»* (Нехалсты Брэсцкага р-на).

Пасля атрымання благаславення бацькоў на шлюб, адбывалася апавяшчэнне пра яго ў царкве ці касцёле («запаведзь», «аглашэнне»). На Брэстчыне за тыдзень-два да вянчання бацюшка даваў «аглашэнне» ў царкве, і калі якаянебудзь дзяўчына гаварыла, што жаніх кахае яе, то вяселле магло не адбыцца. Духоўнік таксама тлумачыў маладым, як неабходна рыхтавацца да вянчання — пасціцца, спавядацца. У суботу перад шлюбам маладыя маглі ісці да споведзі, а ў нядзелю — да прычасця. *«А перед тем как пройти службу, мы принимали причастие, очищались, исповедовались. Исповедовались, как говорят, тайком. Ну, не так, как покрывает батюшка православных и говорит. А у нас, на самом деле, говорят то, что тебя тревожит, какие грехи ты за собой чувствуешь, ты рассказываешь, рассказываешь ксёндзу»* (Прылукі Брэсцкага р-на).

У працэсе сватання-запівання нявесты ўсталёўваліся новыя сацыяльна-роднасныя сувязі між удзельнікамі вясельнай цырымоніі: бацькі дзяўчыны і хлопца станавіліся сватамі ў адносінах адзін да другога («Як не зналіся, то сватамі не зваліся»), а самі жаніх і нявеста атрымлівалі прамежкавы статус і асобыя абрадавыя найменні, набывалі пэўныя адрозныя прыкметы. Адмежаванасць маладых ад халастой маладзі, адметнасць іх паводзін, настрою, знешняга выгляду выяўляюцца ў песнях тыпу *«Ой, знаты, знаты, хто нэжінатый, // Набік шапоньку — пушоў гуляты, // Ой, знаты, знаты, хто ўжэнывся, // Скорчывся, згорбывся, шэй зажурывся»* (Каростычы Брэсцкага р-на).

Вясельная каравайная традыцыя вёскі Моталь Іванаўскага раёна

Да нашых дзён у в. Моталь захаваўся адзін са старадаўнейшых вясельных звычаяў выпечкі, упрыгожвання і міжродавага падзелу абрадавага хлеба — каравайная традыцыя. Каравай — гэта абрадавы хлеб, сімвал дабрабыту, абавязковы атрыбут палескага вяселля.

Выпечка каравая — вельмі адказная дзея, менавіта з яе пачынаецца вяселле. Пякуць каравай як у доме жаніха, так і ў доме нявесты. Аснову каравая, хлеб, замешваюць і выпякаюць спецыяльна запрошаныя жанчыны-каравайніцы.

Мясцовая супольнасць лічыць, што выбар каравайніц уплывае на лёс маладых, таму на гэтую ролю выбіраюць паважаных, руплівых жанчын, якія жывуць шчасліва ў шлюбе і маюць дзяцей.

Вясельная каравайная традыцыя як частка вясельнага абраду ўключае ў сябе шэраг ганаровых і адказных этапаў або чынаў: расчыненне, замес каравая, гібанне каравая, саджанне ў печ, вымманне з печы, упрыгожванне каравая, а таксама выкуп і падзел. Кожны этап суправаджаецца адмысловымі дзеяннямі, благаслаўленнямі, малітвамі, песнямі, каб «запраграмаваць» добры шлюб.

Значным элементам каравайнай традыцыі з'яўляецца ўпрыгожванне каравая, для чаго вырабляюць з цеста і пякуць «шышкі» — галінкі садовых дрэў з пэўнай колькасцю разгалінаванняў, а таксама «барылца» — жгуты цеста па дзесяць сантыметраў, абвітыя па даўжыні ў форме спіралі і інш.

Каравай выпякаюць ужо ўпрыгожаным, а затым шышкі аздабляюць папяровымі кветкамі і вечназялёнымі раслінамі.

На працягу ўсяго вяселля караваі знаходзяцца ў «каморы» (халодным памяшканні), а на заканчэнні вяселля дзеляцца паміж родамі: кожны атрымлівае сваю долю ўзамен на добрыя пажаданні і падарункі маладым. Суправаджаецца падзел каравая музыкай, жартамі, прыгаворамі.

Перадача каравайнай традыцыі ажыццяўляецца ад пакалення да пакалення ў сем'ях жыхароў в. Моталь, якія вельмі ўважліва і ашчадна ставяцца да сваёй каравайнай традыцыі.

Анатоль КРЭЙДЗІЧ

Фота Валерыя Міхальчука
motol-musey@tut.by

Из семейного архива Ольги Емельяновны Каравай

(девичья фамилия Нерода), 21.05.1931 г.р, уроженки д. Лыщицы Брестского района.

Ольга Емельяновна родилась в многодетной (6 детей) семье зажиточных крестьян-единоличников Емельяна Корниловича и Варвары Лукиничны Нерода, фото 1930 г.

Ольга Емельяновна Каравай (Нерода) рядом с матерью (справа), тетей (слева) и двоюродной сестрой, фото начала 40-х годов

На фото родной брат Ольги — Нерода Яков Емельянович (справа) с другом Легомина Степаном Тимофеевичем

Молодая Ольга Каравай (Нерода) у родительского дома вместе с братом Владимиром (фото к. 40-х гг. XX в.)

В 1953 году один из братьев, Федор Емельянович Нерода, женился. Момент свадебного гуляния — гости садятся в грузовик у дома родителей семьи Нерода, фото 1953 г.

Во время войны, в июле 1944 года, брат Яков Емельянович Нерода был арестован фашистами как подозреваемый во вредительской деятельности, увезен в Брестскую комендатуру, расстрелян и захоронен, вероятно, на Тришинском кладбище в братской могиле. На фото: Яков (слева) на крыльце с другом Легомина Степаном Тимофеевичем, фото конца 30-х гг.

Во время престольного праздника Св. Антония у Лыщицкой церкви маленький Александр на руках у матери (четвертая слева), фото 1930 г.

В начале 1950-х годов Ольга Нерода вышла замуж за Александра Степановича Каравай. Муж Ольги — Александр, 25.09.1929 г.р., уроженец д. Лыщицы, родители Степан Семенович и Вера Степановна жили своим хозяйством, единоличники, затем колхозники

Материалы подготовила Елена КОЛЯДА, библиотекарь Лыщицкой сельской библиотеки

ЧАРОЎНЫЯ СПЕВЫ І ПАДАННІ СПАДЧЫНЫ

Успаміны пра Вялікую Айчынную вайну

***

Запісала студэнтка філалагічнага факультэта БрДУ імя А.С. Пушкіна Некрашэвіч Марыя Уладзіміраўна ад МАКСІМУК Валянціны Міхайлаўны ***(в. Вельямовічы, 1938 г.н., праваслаўная, мясцовая)***

— Вот про войну могу рассказать...

— *А Вам мама рассказывала?*

— Нет.

— *Вы сами? Я даже побоялась спросить, Вы так выглядите хорошо. Ну, расскажите, как тут было.*

— Мне было 4 годика. Ну, мы жили семьёй: отец, мать, бабушка, тут рядом жил брат его. Как началась война, значит, начали летать самолёты, а я маленькая в огороде увидела огурец на грядке и потянула отца в это время на огород, и самолёт летел и начал в нас строчить, отец упал и накрыл меня, но он полетал, полетал и улетел. Тогда отец схватил меня и, ну, дом был туда, немножко дальше, вот это уже новый... и это, ну и всё, прибежали мы домой. А ещё усадьба была у нас вот через дорогу и туда, дом стоял, как вам объяснить, сарай такой, куда складывали вот когда жали збожь, всю вот эту збожь туда, солома всё-всё-всё туда складывали большая клуня, с таким участком, как танцевальная площадка — ток, потому что молотили, молотили такими цэпами, вот. Ну и он схватил и сказал: «Собирайтесь». Мы, а там уже были выкопаны ямы такие, как назывались — схроны.

— *А Вы можете по-вашему говорить, как мама говорила на диалекте?*

— Ну-у, могу.

— *Пожалуйста, говорите, как мама говорила, говорите по-вашему.*

— Хорошо. Ну и, хм, мы пошлы туда, в этот, пошлы...

— *Куды пошлы вы?*

— Мы пошлы в той схрон.

— *И что?*

— Но в тому схроны, собралы, ну, было отец мой, брат его, бабушка отца, я и мама. Значит, нас уложили там. Это было, ну, может, 3 часа дня, солнце-солнце было, и мы выскочили, в чём стояли, ну, в чим булы. Ну и всё и ужэ значыць дэ-то там сказалы, шо идуць нэмцы. Вот это. Ну наш не один был, а вот, было там прикопано очень много, в каждого хозяина там. Ну и они пришли, немцы, такие ну были с этими пулемётами или винтовками, я не знаю, это, рукава закасаны, в касках и начали, значит, разговаривать по-немецки и начали строчить в этот схрон. Потом вышел отец, они сразу его уложили, а добивали прикладом, потом брат его вышел, его тоже уложили, потом бабушку вытянули и её тоже, потом вытащили меня, вот так, за ножку и об землю бросили и маму и начали что-то говорить, значит, уже всех убили, только осталась я и мама. Шо-то между собой поговорили

и потом меня опять за ногу и так вот тянули к этому вот хлеву, затянули, там везде, значит, это сено, они взяли спички и зажгли и сами вышли и закрыли ещё, ну и всё, мама говорит: «Всё, мы не выйдем, потому шо не могу я, хотя бы тебя как-нибудь выброшу». Она начала руками, как это называется, подвал, теребить замлю там, потом, значит, уже ну горит всё ну, представляете, солома, солома, как она горит. Я, всё, потеряла сознание этим угарным газом и всё. Мама начала двери, вилы нашла и начала вилами этими, чтоб хоть где доску проломать и выбросить меня, и, может Бог дал, кусок доски отломался и она выбросила меня. Самой пролезть через эту дырочку невозможно, но начала как-то там это, но я уже на улице лежу и начала, начала, и сама вылезла. Выкинула меня, вылезла, схватила меня, начала плакать, я неживая, и пошла сюда, к своему дому и в огород, а там в огороде раньше, но не садили картошку как сейчас, а сеяли коноплю, и начался дождь, и это уже был вечер, начался дождь и благодаря этому дождю всю ночь просидели в этих коноплях и, ну, я начала дышать и тогда мама утречком на заре схватила меня и пошла в деревню, это я, я не знаю где эта деревня, но где-то возле Пружан — Збунин.

— А-а-а, знаю такую, там церковь есть.

— Да, да, да, да. И пошла в эту деревню, а чего пошла — не знаю, может, с нервного этого потрясения или что, все побитые лежат, и когда мы вышли, вот там вот есть дорога в Лышчыцы, называлась русиха, когда она вышла...

— Русиха — это так дорога называлась?

— Ну-у.

— А чего так называли, не знаете?

— Ну не знаю, не знаю, называлася. И по этой русихе мы шли, шли очень далеко, а немцев стояло, они с этими, не как машины, а соцповозками были, и подойдёт, мама говорит: «Тиф», а они очень боялись тифа и вот так рукой махнут и всё, а я на плече висела. «Тиф, тиф, тиф» и с этим тифом мы в этот Збунин. Не знаю как она, ну в первую хату зашла, люди добрые были вот, приняли, всё, мы уже там заночевали, они там начали меня отхаживать, травы какие-то мне давали, и всё, на утро уже мама говорит: «Вы посмотрите её, я пойду, мне надо похоронить, там столько людей убитых наших». Такое солнце, жара была, наверно градусов 30, может, больше в общем. Мама ушла, и приехали уже не немцы, а называли их мадярами, ну они лучше были, как, ну, в такой же самой одежде, всё, но они не били, а наоборот они мне давали какие-то таблетки, мне лучше стало, потом уже к вечеру дали мне шоколадку, чтоб я с этой травкой попила. Я эту шоколадку съела, и вечером уже пришла мама, и мы ещё там побыли на завтра один день и ушли уже сюда, потому что мама тут их только понакрывала, шоб не так солнце, а надо было хоронить, перевезти на кладбище, на могилки и их хоронить всех вот этих убитых. Значит, мы пришли сюда, мама пошла хоронить, я осталась тут вот, ну шо, ну представьте, 4 года, что я так. Соседи тоже, у всех кто-то был убитый и всё.

Ну и всё, я вам и рассказала, то шо я видела и запомнила. А дальше что было? Ну, представьте, вот, моя мама пришла, ни хаты, нима ничего, вот в чём стояли — в том остались, а были богатые, там вот вяз был, убили кабана перед войной, уже ж знали, что вытянут, да? Вот эти окорки, всё-всё повесили на этом вязу — всё забрали, разной крупы позакапывали в огороде — всё, всё выбрали, до иголочки.

***

Запісала студэнтка 1 курса спецыяльнасці «Беларуская філалогія» Нікончык Юлія Мікалаеўна ў в. Вельямовічы Брэсцкага раёна Брэсцкай вобласці ад ДАРАШУК Марыі Аляксандраўны (1932 г.н., бел., пісьм., правасл., мясцовая).

Да, в 1941 году наступал немец на Россию. Я жила тогда возле церкви. Темно ещё было, издали загрукотало, нас тогда было 3 детей. Папа сразу крикнул. Сначала мы думали, что гроза, а Буг-то недалеко. А тут папа кричит: «Напад! Напад!», и вот смотрим, снаряды летят. Бабушка моя кричит: «Надо детей в чистые рубашки одеть», мы думали, что нас сразу убьют. А где там чистые рубашки найдёшь в таком испуге. И выбежали, у нас был сад, и выбежали в сад, ни ямки, ничего. Мы положились на землю и только чуть рассвет — идут уже немцы и махают нам по-немецки, ложиться. А здесь у нас лесочек, там Красная армия была, ну, что ж, немец напал на спящих, и только солнышко поднялось немножко, смотрим, ведут наших солдат: одна нога обутая, другая босая — как они их застали, так и гнали без брюк, ну, так и погнали, погнали туда дальше. Потом солнышко так поднялось, немцы идут и говорят, что идите все под школу. Ну, и всех — и детей и мужчин — всех согнали в ту школу. Ну, и держат, а мы не знаем, почему они нас держат. Мама схватила булку хлеба — взяла с собой, а больше ничего. А они что хотели: они думали, что как они напали на нашу страну неожиданно, напали ночью и никто ничего не знал. Не было никого и ничего, чтобы задержать их. Они думали, что, когда обрушатся, то немцы будут так, что мы пошлём людей, чтоб они не стреляли в людей. И они подержали нас до обеда, а потом отпустили. Всю деревню, а в деревне тогда было много людей. Потом, когда наступали на Россию, очень были они хорошие: детям конфеты давали. Возле церкви они поселились, конфеты давали, были такие необозлённые. А папа мой по-немецки умел говорить, потому что с первой войны он с немцами научился говорить. Они шли и говорили: «Восемь дней Москва». А потом, когда они пришли, они остановились на отдых и один немец стал с моим папой разговаривать. А один немец сказал так: «Как они скоро пошли, так они будут назад идти».

Но чего он так сказал, может быть, он грамотный был. Они думали, что всюду так: как пошли, так и пошли. А когда наши обрушились, то они увидели, что у нас есть сила. И потом когда немцы приходили, они были обозлённые, людей всё забирали, забирали коровы, свиньи, все позабирали. Ну, потом, когда русские пришли, и помню: сначала пришли партизаны, пришли такие на них шинельки старые были, на конях. Мы кричали: «Пришли русские, пришли русские!», а то были партизаны. Мы думали, что у нас фронт, были они неделю, а потом ушли.

***

Запісала студэнтка 1 курса спецыяльнасці «Беларуская філалогія» Ніканчык Юлія Мікалаеўна ў в. Вельямовічы Брэсцкага раёна ад ДУДЗІК Антаніны Грыгор'еўны (1933 г.н., бел., пісьм., правасл., мясцовая)

Шо я помню. Шо ўсюды нельзя було ніділю зайты. Мы на футорі булы ў полякув, булы, бо як той казав, то нашы, то німцы, і нільзя було сюды прыйты. А тут на футорі под Яцковічамі мы булы дэсь неделю. Мы там булы в полякув, но воны вжэ тэпэр такіх як я вжэ жывых нэма, а тые шчо нас прымалы як дытэй. І мы в клуні мы та неделю в тых поляков жылы. Воны нас кормылы, а прышлы сюды чэрэз ніділю, толькі тое осталося, шо на плэчох, усё забралы, як той казав, з сундука, і з йжы — усё забралы. А мэнэ папа був і бабушка і прышлы, от, як вы тэпэр молоды поймітэ, за шчо ўчыпітыся і як жыты. От тэпэр нэ дай нам в магазін. Я трохі, діткі, помню войну, як втыкалы в Шчытнікі. А мы тоды до Шчытніков, то 7 кіломэтров на станцыю. Нас отсюда выгналы в ночі і мы пошлы, мы пошлы, мні було шысць, сёмы, а шчэ помню.

***

Запісала студэнтка 1 курса спецыяльнасці «Беларуская філалогія» Ніканчык Юлія Мікалаеўна ў в. Чэрні Брэсцкага раёна Брэсцкай вобласці ад ЯКУБОЎСКАЙ Анастасіі Мікіцічны (1935 г.н., бел., пісьм., правасл., мясцовая)

— Мыкола, ты помынтаеш, тоды,
як од Осіпа з вычорок ішлы?
Помынтаеш, як тэбэ татко отхворостыв?
— Хіба ж він мэнэ хворостыв? Він мухы гоныв.
— А якыі то мухы? То ж була зыма.
Мыкола, ты мовчы, а я раскажу всё сама.
До сінэй прышла. Ногы з снігу обмыла.
Прыйшла дохаты і думаю,
як мні зайты на піч спаты?
Як мні на запіч ступыты,
щоб холоднымы ногамы
татку ны зачыпыты?
Як на запіч ступыла,
татку холоднымы ногамы зачыпыла.
Як подымэ татка тарарам!
Кажэ: «Ны повызу по дохторям.
За шо буду тэбэ лічіты,
Мні трэба сымъю кормыты».
А мы булы бідны.
У нас була дысятына зымлі, а 12 душ сэм'і.
Пэрэстав крычаты, а взяв мою шпулю мотаты.
Кажэ: «За такую роботу рукы поодбываты».
Тое було, як і стала ткаты.

Беларускія народныя песні

Мікольская

Беларускія народныя песні сольныя і харавыя. Мн., 1928, вып. 1, с. 61.

Як пайшоў Мікола
У чыстае поле,
У чыстае поле
Жыта аглядаці.
Радзі, божа, жыта,
Радзі, божа, жыта
Густа, каласіста,
Густа, каласіста,
Ядром ядраніста.
А ехалі госці
З чужое валосці,
У бару начавалі,
У бару начавалі,
Пад сасной агонь клалі.
Каб гэта сасёнка
Да на нашу старонку,
Да на нашу старонку.
А з гэтае сосны
Было б тры угоды,
Было б тры угоды.
У коране сосны
Ды густое жыта,
Ды густое жыта.
У сярэдзіне сосны
Ды ярыя пчолы,
Ды ярыя пчолы.
А ў вярхушцы сосны
Ды звонкія гуслі,
Ды звонкія гуслі.
А мы б з таго жыта
Піва наварылі,
Піва наварылі.
У сярэдзіне сосны
Ярых пчол лавілі,
Ярых пчол лавілі.
Мяды выбіралі
Ды воскі тапілі,
Ды воскі тапілі.
Мы б жыта выжалі,
У гуселькі ігралі,
У гуселькі ігралі.

Сенакосныя, або касецкія

У.І. Раговіч. Вянок беларускіх народных песень. Мн., 1988, с. 68.

Ветрычак вее, сонейка грэе,
Люлі, люлі, сонейка грэе.

А мой міленькі касіць не ўмее,
Люлі, люлі, касіць не ўмее.

Узяў касіцу, пайшоў касіці,
Люлі, люлі, пайшоў касіці.

А мне, маладзе, абед варыці,
Люлі, люлі, абед варыці.

Абед гатую, бяду бядую,
Люлі, люлі, бяду бядую.

Каб мой абедзік хаця зварыўся,
Люлі, люлі, хаця зварыўся.

Каб мой міленькі не знаравіўся,
Люлі, люлі, не знаравіўся.

Ой, як згатую, панясу есці,
Люлі, люлі, панясу есці.

Скасіў міленькі, што недзе сесці,
Люлі, люлі, што недзе сесці.

***

Д.Г. Булгаковский, с. 51. Зап. на Піншчыне.

Зажурылася малада ўдованька,
Што не кошана зялёна дуброванька.
— Не журыся, малада ўдовачка,
Будзе скошана зялёна дубровачка.
Будзем наймаці касары маладыя,
Будзем плаціці па чатыры златыя.
— Касары косяць — ветрык павявае,
Маё сенца ад сонца пасыхае.

Песні з вёсак Чэрні і Вельямовічы

Запісала студэнтка 1 курса спецыяльнасці «Беларуская філалогія» Ніконччык Юлія Мікалаеўна ў в. Чэрні Брэсцкага раёна ад НІЧЫПОРЧЫК Ніны Аляксееўны (1949 г.н., бел., пісьм., правасл., мясцовая)

Лілія

Ой, ты, лілія, лілія,
Рості ж, моя лілія, рості ж, моя лілія!
Ты, моя лілея.
Нашчо брав, нашчо брав
Ты мэнэ, нэвэлычку?
Цэловав, обнымав, як пэрэпылычку?
Ой, ты, лілія, лілія!
Рості ж, моя лілія, рості ж моя лілія!
Ты, моя лілея!

Скажы, чому мое сэрцэ забрав?

Скажы, чому мое сэрцэ забрав?
Скажы, чому свободу забрав?
А я жыву, а я трачу літа,
Нэ знала я, шчо нэ буду твоя.
Скажы, дэ ділася наша любов?
Скажы, чому нэ повэрнэцця знов?
Ой, повэрнысь, повэрнысь, я прошу,
Бо я тэбэ міцно, міцно люблю.

***

Запісала студэнтка 1 курса спецыяльнасці «Беларуская філалогія»
Ніканчык Юлія Мікалаеўна ў в. Вельямовічы Брэсцкага раёна
ад ДУДЗІК Антаніны Грыгор'еўны (1933 г.н., бел., пісьм., правасл., мясцовая)

Прошлы мої літа

Прошлы мої літа, як водою кругосвіта.
Як во сні мні прыдалося, як на світы прожылось.
Запрагайтэ, хлопцы коны, коны вороные.
Ой, поідым догоняты літа молодые.
Ой, догналы свої літа на дубовым мосце,
Ой, вэрнітэсь, мої літа, хоць на місяц в госці.
«Нэ вэрнэмся, нэ вэрнэмся, бо й нэма до чёго,
Надо было шановаты, як здоров'я свого».

***

Запісала студэнтка 1 курса спецыяльнасці «Беларуская філалогія»
Ніканчык Юлія Мікалаеўна ў в. Вельямовічы Брэсцкага раёна
ад ДАРАШУК Марыі Аляксандраўны (1932 г.н., бел., пісьм., правасл., мясцовая)

Баллада

Любила меня мать, уважала,
Что я ненаглядная дочь.
Я с милым в путь убежала
В ненастную темную ночь.
Бежала я лесом дремучим,
Бежала я рощей густой,
Бежавши, на небо взглянула
И вспомнила дом свой родной.
Подружки ко мне приходите,
Я буду лежать на столе.
Но только прошу, не судите,
Зеройте мой труп в тишине.
Выройте, выройте могилу,
Выройте, душу красы моей.
Осыпьте могилу цветами,
Поставьте мне крест голубой.
А если придет мой милый и спросит,
Где милая моя.
Но только прошу, покажите,
Десята могила моя.

***

Запісала студэнтка 1 курса спецыяльнасці «Беларуская філалогія» Нікончык Юлія Мікалаеўна ў в. Чэрні Брэсцкага раёна Брэсцкай вобласці ад КУЛЕШЫ Аляксандры Сцяпанаўны (1943 г.н., бел., пісьм., правасл., мясцовая)

Шумыть гай

Ой, дівчыно, шумыть гай,
Кого любыш забувай, забувай.
Ой, дівчыно, шумыть гай,
Кого любыш забувай.
Нэхай шумыть, хай гудэ,
Кого люблю, мый будэ.
Ой, дівчыно, сэрцэ мое,
Чі ты выйдэш за мэнэ?
Ой, дівчыно, сэрцэ мое,
Чі ты выйдэш за мэнэ?
Ні пійду я за тэбэ,
Нэма хаты у тэбэ, у тэбэ.
Ні пійду я за тэбэ,
Нэма хаты у тэбэ.
Покі свою збудую,
До чюжэі завыду, завыду.
Покі свою збудую,
До чюжэі завыду.
Збудуй хату з лэбэды,
А в чюжую ны выды.
Збудуй хату з лэбэды,
А в чюжую нэ выды.
Чюжа хата такая,
Як свыкруха лыхая, лыхая.
Чюжа хата такая,
Як свыкруха лыхая.
Як ны лае, то бурчіть,
А всё вона ны мовчіть.
Як ны лае, то бурчыть,
А всё вона ны мовчіть.
Ой, дівчіно, шумыть гай,
Кого любыш забувай, забувай.
Ой, дівчіно, шумыть гай,
Кого любыш забувай.

Пра вяселле і песні

Рудчук Сабіна Сямёнаўна,
в. Вельямовічы Брэсцкага раёна

— *Можа, Вы песні знаеце, якія спявалі тады? На свадзьбу ілі так?*

— Так, там, як провожалы молодую, мы ходылы смотрэць, провожалі машыны, много було. О то мы ходылы там і мы песні пелы, пелы молодым.

— *А какие песни?*

— Ну, як молодую провожылы, то пелы, шо, і: «Кропы, тато коны...»

Кропы, тато коны,
Купы, тато, коны.
Просы Бога долы,
Шоб шчаслівонько до цэрквонькы
І назад до домоньку,
І назад до домоньку.

— О, вторую песню. Як то...

На ясный горі Божа Маценька стояла,
Золотым крыжом нашым молодым
Дорожоньку жегнала,
Дорожоньку жегнала.

— Вот, і ўсё. Чікайтэ, як, ішчэ. Цэ як на свадзьбу од'езжалы.

Ой, майтэ, конэ, сілу,
Ой, майте, конэ, сілу,
Под тую цэркву,
Под тую гору сіву,
Под тую крутую,
Под цэрквоньку святую,
Под цэрквоньку святую,
Под звоны голосные,
Под свечонькі ясные,
Под свечонькі ясные.

— Ну, всё. Ну і куды будытэ пэрэдаваты тые песні, по тэлевізору?

— *Не, не мы сабе толькі, нам цікава, як гэта ў Вас было?*

— Мне хрыпко, мне горло хрыпко, я нэ могу співаты. Большэ я нэ помню.

— *А на Каляды, калядкі можа якія ведаеце, на Шчадруху?*

— Якую вам шчэ запець песню?! Ну і нашо, нашо вам такія песні?

— *А нам цікава гэта, што ў Вас спявалі там, як у Вас там Каляды былі і іншыя святы. У нас зараз гэтага няма.*

— Ой, мні аж жарко стало. А вы попольські ні, ні нэ понімаетэ?

— *Понимаем. А Вы песни по-польски знаете? А спойте, пожалуйста.*

— Як, по-польські?

Пшачка до пшачка, вылецяла качка
Вчора была руска, а цепер полячка.
Вчора была руска, до цэркві ходзіла,
А цепер полячка пшышэньбі зложыла.

— *А калі гэту песню спявалі?*

— Ну, усё, дзевчата, вжэ я, я бы вам много запела, але мне вжэ горло, хрыпка нападае. Вжэ ні морочце мне голову.

Запісала студэнтка філалагічнага факультэта БрДУ імя А.С. Пушкіна Надзея Уладзіміраўна ПАШКО. Запіс 2014 г. Захоўваецца стылістыка і арфаграфія аўтарскай мовы.

Тэкст захоўваецца ў вучэбна-фальклорнай лабараторыі БрДУ імя А.С. Пушкіна (кіраўнік І. Швед), а таксама ў фальклорным архіве Метадычнага цэнтра (кіраўнік Г. Петруковіч) аддзела ідэалагічнай работы, культуры і па справах моладзі (кіраўнік Л. Балашова) Брэсцкага райвыканкама.

СКАРБНІЦА НАРОДНЫХ ТАЛЕНТАЎ

«І гэта вёска ўсё мая»

Фальклорны калектыў СДК Тэльмы «Сединка» славуты не толькі аўтэнтычнымі, старажытнымі песнямі на мясцовай гаворке, але і цудоўнымі майстрыцамі-вышывальшчыцамі, удзельніцамі пастаяннай выстаўкі «бабулінага» рушніка «І гэта вёска ўсё мая».

Такое название выставке дали ее организаторы не случайно, оно очень верно отражает народную сущность фольклорного ансамбля, где в единое духовно-эстетическое русло сведены и песенный репертуар, и сценические костюмы, и атмосфера, царящая на концертах и на других интересных импрезах, проводимых в Тельмовском сельском Доме культуры. Все участники коллектива, включая руководителей, по сути выходцы из села и буквально с молоком матери впитали мудрость крестьянского бытия, местную «гаворку», обычаи и заветы предков, песни и предания старины. Прясть, вязать, ткать, вышивать для большинства из них — дело обыденное, привычное, а для некоторых трудолюбивых «кобеток» из ансамбля оно стало своеобразным хобби. Какие только самобытные изделия не выходят из-под их старательных рук! Тут привлекательные разноцветные ковры и тканые дорожки, кружевные салфетки и подузорники, вышивные картины и иконы, фигурки из соломки, сшитые из тряпочек, связаные из шерсти ходники и куклы и многое другое. Всему этому великолепию находят достойное место на выставке, однако больше всего здесь рушников. Именно они — квинтэссенция «бабулінага» вернисажа, а также — чудесного природного дара прибужских сельчанок.

Вот Галина Евгеньевна КРИСАНОВА, заведующая Тельмовским СДК, руководитель фольклорного ансамбля «Techинка». Она, как говорится, и швец, и жнец, и на дуде игрец. Возглавляет коллектив клубных работников с 1990 года, и с это-

Тельмовские вышивальщицы: Галина Крисанова, Любовь Близнюк, сестры Татьяна Мацкевич и Феодосья Кушнеревич

Женские руки на пяльцах создают прекрасные узоры...

го же года существует «Сединка», которую в обиходе участницы ансамбля называют «хором». А петь хором — значит, петь вместе. За праздничным столом, на свадьбах и гуляньях, в дни сельских престольных и календарных праздников. Это старинная традиция, народный обычай, и женщины ему верны.

Галина Евгеньевна прекрасно солирует, дирижирует, участвует во всех выездных и местных концертах, организует массу других мероприятий по клубной линии. А рукодельное мастерство переняла от своей матери Нины Никифоровны, уроженки деревни Подлесье-Радваничское Брестского района. Рушники, дорожки, картины материнской руки вошли в число экспонатов «бабулінай» выставки и удачно вписались в работы других жителей округи.

Сама же Галина Евгеньевна увлекается кружевоплетением, вязанием крючком и спицами, но предпочитает вышивку счетным крестом, выполняемым односторонним шитьем. В ее активе рушники пасхальные и свадебные, вышитые к рождению ребенка, картины, пейзажи, натюрморты, иконы. Кстати, наиболее значимые вышивные иконы, как правило, освящены церковью,

На выставке. В центре снимка: начальник отдела идеологической работы, культуры и по делам молодежи Л.П. Балашова и зам. председателя Брестского райисполкома П.И. Волынец

и это придает особый духовный смысл полотнам мастерицы.

Одна из старожилов ансамбля, наряду с руководителем, — Любовь Юрьевна БЛИЗНЮК. Любопытен эпизод, связанный с ее рождением в 1944 г.

В то время шла наступательная операция советских войск по освобождению Бреста от фашистов, и проживавшая на Граевке семья нашей, тогда еще не рожденной героини, попыталась укрыться от обстрелов в деревне Тюхиничи у своей бабушки Кристины и деда Лаврентия по фамилии Шостак.

Добрались туда к вечеру 2 мая, а хата родственников оказалась переполненной... немцами. Куда деться? Ведь в доме кроме хозяев и непрошеных пришельцев — еще пятеро детишек мал мала меньше. Однако оккупанты проявили удивительную сдержанность. Поняв, что прибывшая молодая женщина на сносях и вот-вот будет рожать, все разом покинули помещение. В ту же ночь со 2 на 3 мая Любочка появилась на свет.

«Кляйне, кляйне!» (с нем. — **маленькая**) — с любопытством враги рассматривали утром новорожденную девочку. Также пытались объяснить, что у немецких солдат где-то в Германии тоже остались маленькие детки...

Сегодня у Любови Юрьевны двое своих взрослых детей, пятеро внуков и правнуков. Историю своего рождения «во вражеском окружении» она иногда

«Март». *Г.Е. Крисанова*

«Мадонна». *Г.Е. Крисанова*

«Рождение Иисуса Христа». *Т.Н. Мацкевич*

«Идилия». *Г.Е. Крисанова*

Пасхальные салфетки. *Т.Н. Мацкевич*

им рассказывает. Вспоминает и местную припевку: *«Пожыну я сівы волы // До канавы, до воды // Там я буду вспомынаты // Свої годы молоды»*.

Более 30 лет она проработала в системе областного зооветснаба. Заниматься рукоделием, в частности, вязанием побудила послевоенная нужда: носки, кофточки, платья — все шло в употребление. С 90-х годов проживает в Тельмах. Нынче вяжет носочки для внуков. В последние годы активно занялась вышивкой мелким крестом. К счастью, натруженные пальцы еще слушаются...

Татьяна Николаевна МАЦКЕВИЧ и Феодосья Ивановна КУШНЕРЕВИЧ — двоюродные сестры. Обе родом из небольшой деревушки Смолин, что возле д. Кошилово Брестского района. Воспитывались дети на примере взрослых, когда старшее мужское поколение трудилось и строителями, и на железной дороге, а женское — на полевых колхозных работах, а также «куда пошлют»... И для каждого из родных ли, двоюродных ли сестриц и братиков живым примером для подражания служили бабушки и дедушки, матери и отцы. От них перенимали трудовые навыки, ремесла, общественную мораль. А также песни, обычаи отчего края, любовь к родной земле.

Например, Татьяна Николаевна навсегда запомнила уроки вязания и шитья родной бабушки Фени, слывшей в округе умелой мастерицей. Эти навыки упрочились на занятиях по труду в Тельмовской СШ, которую закончила в 1973 г., а затем в ночные часы работы оператором газовой котельной на тепличном комплексе. Шла от простого к сложному: вначале носки да варежки, затем — более «мудрагелістыя» вышивные салфетки, наволочки, дорожки, иконы. Среди прочих работ — икона Казанской Божией Матери, икона Пресвятой Богородицы «Семистрельная», пасхальные и свадебные рушники. Нынче — на пенсии. Третий год занимается в ансамбле.

Феодосья Ивановна Кушнеревич пришла в фольклорный коллектив по примеру своей двоюродной сестры, и посещает репетиции, участвует в концертах уже больше года. Проживает в Тельмах. Сама она в родительской семье была по счету шестая, младшая, так что пришлось жить в многодетной семье, трудиться вместе со всеми приучена с ранних лет. Отец работал на железной дороге, мать — в полеводстве в совхозе «Брестский». В сарае до сих пор хранятся бабушкины «кросны», на которой та набивала половики-ходники, а Феня-младшая усердно помогала.

Феодосья Ивановна закончила Тельмовскую СШ, выучилась на повара, а спустя некоторое время устроилась на работу на тепличный комбинат, которому посвятила 35 лет жизни. Вышивать рушники крестиком стала сравнительно недавно и тоже с подачи родственницы. Впрочем, уроки старшего поколения, собственный жизненный опыт, творческая обстановка, царящая в их фольклорном сообществе (другое слово трудно подобрать), всячески способствуют развитию природных данных, указывают пути совершенствования народного мастерства этих замечательных женщин.

Именно народного, потому что буквально все — материалы, узоры, орнаменты, песни, «мова» — от народа, от земли, от нашей синеокой Беларуси. А цветы и краски на рушниках — от родного Прибужья.

Александр ВОЛКОВИЧ

Фото Виктора Байковского и Елены Сезиной

Нітка яе лёсу

Сапраўдны калаўрот, альбо пралка — не сучасны станок для навамоднага хэндмэйда, а рукатворны помнік даўніны, які праслужыў некалькім пакаленням рукадзельніц, сёння сустрэць ў дамах сялянак — вялікая рэдкасць. Нам жа пашчасціла ўбачыць такі ў працы і пагаварыць пра жыццё-быццё з гаспадыняй.

У Алены Данілаўны Філанюк з Чэрняў калаўрот у хаце стаіць не дзеля этнічнага каларыту. У свае 82 гады яна, як і раней, прадзе з воўны ніткі, а пасля вяжа з іх разнастайныя рэчы для сваіх родных і аднавяскоўцаў, калі тыя папросяць. Жанчына паказала нам шкарпэткі, якія нядаўна змайстравала для земляка.

З «каўроткам», як яна называе механічную пралку, баба Лена ўсё жыццё. Ён дастаўся ёй па спадчыне ад мамы і бабулі. Назіраючы за іх ўмелымі рухамі, яшчэ маленькай дзяўчынкай вучылася рамяству, а пасля, калі дарослыя адлучаліся з дома па справах, употай спрабавала прасці сама.

Распавядае, а натруджаная рука цягнецца да калаўрота, пяшчотна праводзіць па гладкай паверхні дрэва, якое больш стагоддзя таму вясковыя майстрыператварылі ў інструмент, папраўляе нітку на верацяне, аглядае кудзелю. І раптам закруцілася кола, пабегла-заструменілася нітка, нібы доўгае і няпростае жыццё сяльчанкі...

Разам з Аленай Данілаўнай ў сям'і раслі тры сястры. Усё ўмелі і ўсё рабілі: і на калаўроце пралі, і на кроснах ткалі,

і за любую хатнюю працу без страху браліся. У тыя часы ў гэтым не было нічога дзіўнага — рукадзельніцамі былі ўсе вясковыя жыхаркі. Часам збяруцца жанчыны зімовым вечарам: хто прадзе, хто вышывае, хто палатно тчэ, а каб лепш працавалася, завядуць песню, хто якую ведае. Баба Лена ўжо не памятае іх слоў — памяць падводзіць, але ж некалькі радкоў усплылі з далёкага мінулага: «Ох, дзе ты прагуляла ўсю цёмную ноч, прагуляла ўсю цёмную ноч? Пара класціся спаць...». Гэта песня, як патлумачыла яна, пра Кацюшу — купецкую дачку. Акрамя галоўных праваслаўных святаў, успамінае Алена Данілаўна, у яе хаце адзначалі заўсёды Параскеву Пятніцу. Дарэчы, гэтая святая лічыцца апякункай сям'і, памочніцай гаспадынь ў іх справах і клопатах, у тым ліку ў прадзенні, з якім у беларусаў былі звязаны многія звычаі і абрады.

Баба Алена, якая нарадзілася ўжо ў савецкі час, пра абрады, звязаныя з прадзеннем, мала што ведае. Яна, як і яе сёстры, вучылася гэтаму майстэрству, не задумваючыся аб яго сакральнай сутнасці, — для яе быў важнейшым практычны бок. Ды і не было калі задумвацца: з малых гадоў пачала працаваць — пасвіла кароў, і нават цяпер, калі здароўе адмаўляе, не сядзіць склаўшы рукі.

Дзяцінства яе перакрэсліла вайна — Алене Данілаўне было пяць гадкоў, калі фашысты раптоўна напалі на нашу зямлю. «Мы тады жылі ў вёсцы Гутовічы, што ў Жабінкаўскім раёне. Памятаю, як ляцелі снарады, як святло пражэктараў аж з Брэста ў нас вуліцы ноччу асвятляла». Яе бацька пайшоў на фронт і, на шчасце, вярнуўся адтуль жывым, але з-за «хлусні і людской зайздросці», як кажа баба Лена, яго пасадзілі ў турму, дзе ён прасядзеў 25 гадоў. Сама ж пры немцах атрымала чатыры класа школы, вучылася на ўкраінскай мове, на гэтым яе адукацыя скончылася. Праз некалькі год пасля вайны перабралася ў Брэст — тут і закруцілася новая плынь яе жыцця.

Колькі сябе памятае, заўсёды цяжка працавала: спачатку на млынкамбінаце, дзе пазнаёмілася з будучым мужам, пасля ў вагонным дэпо, на газаапараце, у саўгасе «Маладая гвардыя». Нельга назваць лёгкім і яе сямейнае жыццё — з мужам, мякка кажучы, не пашанцавала, але пра гэта жанчына не хоча ўспамінаць... Муж ужо памёр, але засталіся дзеці: у яе двое сыноў, трое дарослых унукаў, ёсць і праўнукі.

Калі сын атрымаў участак у Чэрнях і пабудаваў дом, пераехала на пастаяннае месца жыхарства сюды. Цяпер Алену Данілаўну можна часта ўбачыць у мясцовай царкве, дзе жанчына не толькі моліцца аб выратаванні душы, але і ўсяляк дапамагае. Аднавяскоўцы пра бабу Лену кажуць, што яна адкрытая і спагадная, заўсёды гатовая дапамагчы бліжняму і справай, і словам — бо, нягледзячы на ўсе церні на яе жыццёвым шляху, глядзіць на свет з аптымізмам, якім шчодра дзеліцца з навакольнымі людзьмі.

Алеся ПАШКЕВІЧ
Фота аўтара

Народная мудрость

* Прялка не Бог, а рубаху дает.
* У ленивой пряхи и про себя нет рубахи.
* Какова пряха, такова на ней и рубаха.
* Пряха не волк — в лес не убежит.
* Не напрядешь зимою, нечего будет ткать летом.
* Не ленись прясть, хорошо оденешься.
* Семь топоров вместе лежат, а две прялки врозь.
* Либо трынка-волынка, либо прялка-моталка.
* Стригли, щипали, а после чесали,
  чисто, пушисто — к доске привязали! *(Прялка)*
* Кто прядет в пятницу, у того на том свете будут слепы отец с матерью.
* Кто в пятницу прядет, святым родителям кострыкой глаза запорашивает.
* По пятницам мужики не пашут, бабы не прядут.
* Знай, баба, свое кривое веретено *(свое дело).*
* Знай гребень да веретено.
* Не веретеном в бок, терпеть можно.
* Не веретеном трясти *(о деле, которое требует рассудка).*
* Без веретена пряжи не спрядешь.
* Остры веретена намозолили ладони.
* Ерема, Ерема! Сидел бы ты дома, да точил веретена.
* Кривое веретено не надежа *(не оденет).*
* Кривое веретено не исправится.
* Девку веретено одевает.
* Чужое веретенце бери, да и свое припаси.
* Сделала дело худое, переломила веретено кривое.
* На шильце, на мыльце, на кривое веретенце нужны деньги.
* Смирен топор, да веретено бодливо *(о мужике и бабе).*

Ольга Корженко:

«Любовь к рукоделию мне привила бабушка и мама...»

Я брестчанка. В Черни с мужем и детьми (у меня две дочки 10 и 4 лет) переехала сравнительно недавно. Любовь к рукоделию мне привили еще в юности, как водится, бабушка и мама. В свободное от занятий в музыкальной и обычной школе время мама учила меня вязать спицами, а крючком — уже бабушка.

С тех пор я постоянно ищу новые техники вязания, применяя и сочетая, казалось бы, несовместимые, по сути, материалы. А вот бисерное вязание крючком красивых жгутов я обнаружила в интернете, где рукодельницы, не скупясь, делятся своими достижениями в этом увлекательном занятии.

Кстати, благодаря интернету я освоила такую интересную технику, как вязание вообще без спиц — на пальцах и даже просто накидывая петли на руки, в результате чего получаются очень интересные шарфы крупной фактуры, что особенно модно.

Конечно, это просто мое хобби, а для полноты представления обо мне не могу не указать, что я окончила наш Брестский технический университет (факультет ВиГ), и параллельно получила экономическое образование. Работаю инженером-проектировщиком по разделу отопление, вентиляция и кондиционирование воздуха.

Агрогородок Черни

Бисерная бижутерия Ольги Корженко

korolgabeads.blogspot.com

Затанцуе сонейка...

У купальскія світанкі ўзнікае дзіўнае адчуванне, што ты, як і далёкі прашчур, непарыўна паяднаны з навакольнай прыродай

Купала (Купалле) — старажытная абрадавая ўрачыстасць, якая пад рознымі назвамі вядома ўсім славянам. Яна прымяркоўвалася да летняга сонцастаяння і ладзілася ў гонар Сонца, урадлівасці і росквіту зямлі. Пазней у гэты дзень царква стала святкаваць нараджэнне Іаана Хрысціцеля (7 ліпеня), таму і гавораць у народзе пра свята Івана Купалы. Купальскія звычаі, абрады нясуць у сабе глыбінны сэнс, з'яўляюцца каштоўным духоўным скарбам, які дапамагае нам спасцігнуць мудрасць народа, назапашаную стагоддзямі.

Месца для вогнішча выбіралі на высокім беразе ракі ці возера або на паляне ў лесе. Для купальскага рытуалу здабывалі «жывы» агонь — церлі асінавыя палкі. Як сімвал Сонца ўзвышалася на жардзіне падпаленае кола. У гэтую ноч многа танцавалі, вадзілі карагоды, спявалі, кахаліся. «Несцераў летапіс» засведчыў для нашчадкаў: «Схожахуся на игрыща, и ту умыкаху жены собе, с нею же кто совещашеся; имяху же по две и по три жены». Не трэба мець філалагічнай адукацыі, каб зразумець, пра што ідзе размова. Дарэчы, «умыкаху» на цяперашнюю беларускую мову можна перакласці як «выкрадалі». Апоўначы самыя адважныя — купальская ноч лічылася часам разгулу змрочных сіл зямлі — ішлі ў лес шукаць папараць-кветку, якая прыносіць шчасце і багацце. Існавала перакананне: каму гэта ўдасца — займее неймаверную сілу, пераадолее ўсе перашкоды, навучыцца разумець мову птушак і дрэў. Зёлкі, былінкі, травы, сабраныя купальскай ноччу, валодаюць цудадзейнай сілай.

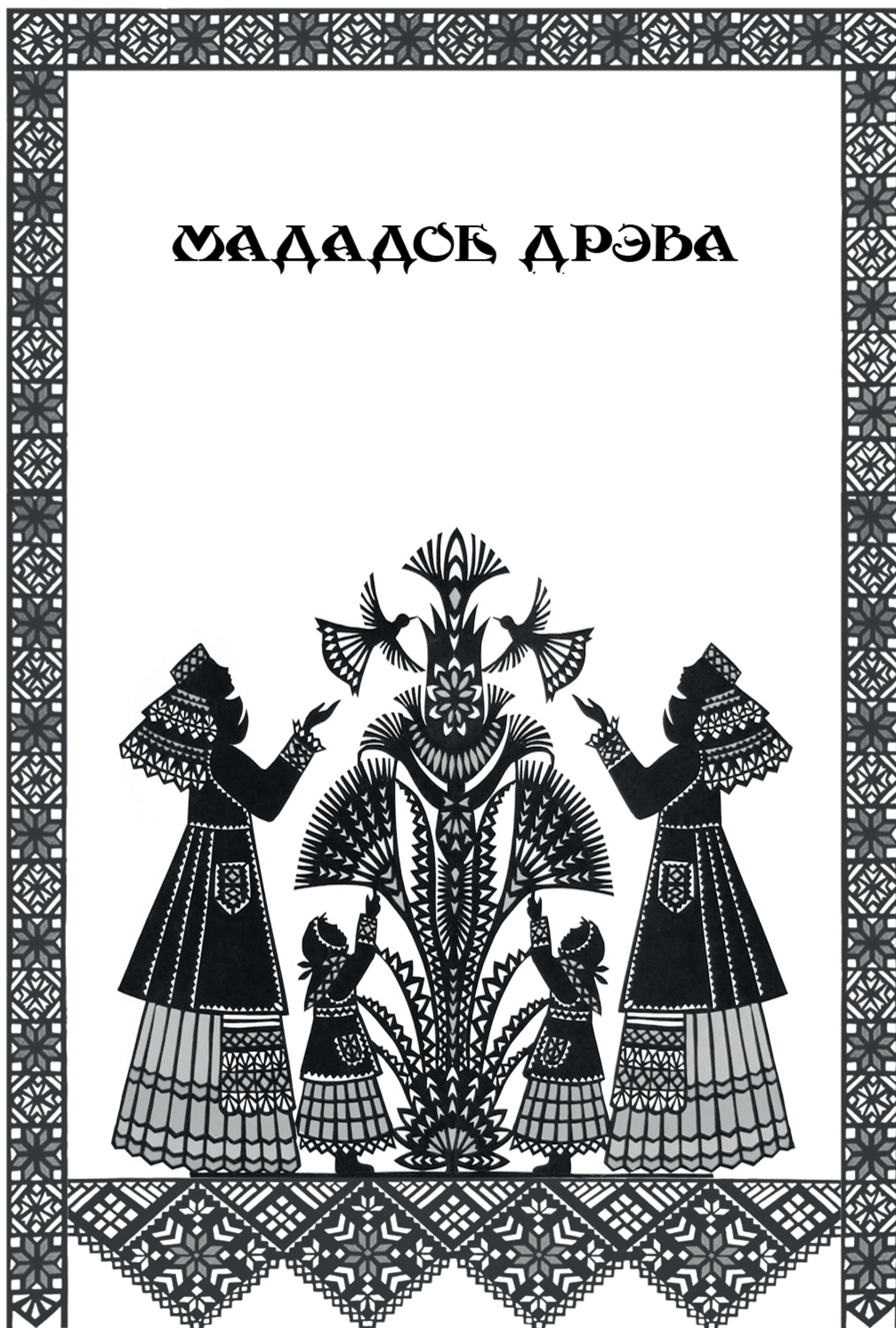
Пасля купання ўсе адпраўляліся глядзець узыход сонца, якое ўздымалася над зямлёй не як звычайна, а быццам падскоквала, гуляла, купалася, пералівалася рознымі колерамі, разыходзілася кругамі...

Ужо заўтра запалаюць купальскія вогнішчы, затанцуе ранішняе сонца на ўсходзе. І кожны, хто вельмі захоча, абавязкова ўбачыць гэта, нават калі нябеснае свяціла будзе закрыта густымі хмарамі...

У купальскія світанкі ўзнікае адчуванне, што ты трапіў у нейкае спрадвечнае ранне, што ты, як і далёкі прашчур, непарыўна паяднаны з навакольнай прыродай — звярамі і птушкамі, сонцам і ветрам, дрэвамі і травой. Прыходзіць разуменне, што ніхто з нас на гэтым свеце не раб прыроды і не ўладар ёй. Кожны, хто прыйшоў у гэты свет, — яе жывая крупінка...

Мікола СЯНКЕВІЧ, «НТ»

МАЛАДОЕ ДРЭВА



Шанс блеснуть на всю область

Зональный тур областных конкурсов любительского творчества состоялся в марте текущего года в районном Доме культуры в Чернях. Его цель — отобрать лучшие самодеятельные коллективы и отдельных исполнителей для участия в региональных мероприятиях, запланированных на 2015 год. Подобные отборочные смотры стали традиционными, они дают возможность талантливым артистам даже из самых отдаленных уголков Брестчины блеснуть на грандиозных праздниках и фестивалях высокого уровня.

Более месяца команда профессионалов «путешествовала» по городам и деревням нашего региона, оценивая участников зонального тура, и, как говорится, добралась до Прибужья. Строгое и компетентное жюри под председательством заместителя директора областного общественно-культурного центра Натальи Вольшинец оценивало наших исполнителей в четырех жанрах. Для участия в смотре-конкурсе детских коллективов и в празднике фольклорного искусства «Таночак» заявили себя фольклорные коллективы Медновского сельского клуба «Крынічка» и «Сонейка», в празднике духовной музыки «Песнь Песняў» — образцовый детский хор «Медунички» Клейниковской детской школы искусств, в празднике вокально-хорового искусства «Ляці, наша песня» — народный ансамбль песни «Славия» Мухавецкого СДК.

Наибольшее число прибужских артистов решили продемонстрировать свои вокальные данные в отборочном туре праздника военно-патриотической песни «Песні Вялікай Перамогі». От Сковского СДК выступили Анна и Мария

Образцовый детский хор «Медунички» Клейниковской детской школы искусств

Титович, как в дуэте, так и сольно, а также Анна Дмитрук и Ирина Якубовская; от Тельмовского СДК — Елизавета Костецкая, Ангелина Дядюк; Мухавецкого СДК — Арина Жаботинския, Анна Приходько, Екатерина Торпачева; Омелиннского СКБ — Виктория Гамзюк; районного Дома культуры — Ольга Варганова и Анна Вербицкая. В этом конкурсе нельзя не отметить выступление юной Анны Титович, которая своим голосом уже смогла покорить жителей нашей страны и вышла в финал народного шоу «Я могу!».

Вместе с участниками зонального отбора перед жюри выступили коллективы на подтверждение званий «народный» и «образцовый». Это образцовый ансамбль народного танца «Мястачковыя казыры» Остромечевского СДК, народная цирковая студия «Иллюзия» Чернавчицкого СДК, образцовая студия изобразительного и декоративно-прикладного творчества «Колибри» Вистычского СДК, народные инструментальные ансамбли «Экспромт» Тельмовской ДШИ и «Настроение» РДК, образцовый цимбальный оркестр Чернинской ДШИ. Напомним, что в прошлом году свои звания подтверждали вокальные коллективы Прибужья.

«Без сомнения, выступление прибужских исполнителей были успешными. Их уровень с каждым годом растет, и мы это видели на зональном туре. Что особенно радует, повышается интерес молодежи к творчеству», — поделилась методист районного Методического центра Галина Маковецкая.

Как отметила член жюри, начальник отдела любительского творчества ООКЦ Мария Оласюк, в Брестском районе есть достойные таланты. Особенно порадовало наличие в Прибужье цирковой студии — такое нечасто встретишь в сельской местности.

Последнее выступление в рамках отборочного этапа зонального тура областных конкурсов любительского искусства состоялось 5 апреля.

Александр ЯРМОШУК

Фольклорные коллективы Медновского сельского клуба «Крынічка» и «Сонейка»

Из семейного фотоальбома Ольги Дорошук, бывшей заведующей Приборовского СДК

Зажинки. 1986 год.
Слева направо:
Нина Павловна Голуб,
Мария Захаровна Городничук,
Вера Ивановна Васильчук

Зажинки. 1992 год.

Зажинки. 1987 год.
На переднем плане: Анастасия Андреевна Дорошук. Слева — председатель колхоза им. Дзержинского Александр Александрович Асанович, в центре — секретарь партийной организации колхоза Анатолий Георгиевич Новачук

ЛІТАРАТУРНАЯ СЯДЗІБА

Александр ВОЛКОВИЧ

Собаки села Похмелевка

Рассказ

Война пришла в белорусскую деревню Похмелевка обыденно, как осень или зима, но уместнее сравнивать ее приход с вечерним дождливым предненастьем: невзначай серо стало и неуютно. Хотя закатное солнце пригревало и зелень буяла вокруг по-летнему, — как неожиданно смерклось, запылило на взгорке, и пятнистые тупорылые машины с немецкими солдатами в кузовах околицу заполонили. И стал июнь не июнь, а черт-те знает что.

До сих пор, в кои веки, через деревню озабоченный «ЧТЗ» на высоких игольчатых колесах проползал, колхозная «полуторка», спотыкаясь на колдобинах, шкандыбала, а тут — невпроворот от ребристых танкеток с крестами на бортах, от рева мотоциклов, от обилия железа и бензиновой гари.

Деревенские собаки, обычно ленивые и немые, учуяв чужаков, всполошились. Даже самая облезлая и безголосая шавка сочла своим долгом возмущение выказать.

Тесные улочки никогда многолюдным беспокойством не отличались. Но вот плетни затрещали, стронутые бесцеремонными колесами и бортами, колодезные цепи разом зазвенели, выбираемые второпях, коромысла «журавлей» начали вразнобой пришельцам кланяться. Как будто им невдомек, что поят криничной колодезной водицей чужаков, завоевателей.

Но пока ни выстрелов, ни разрывов, как показывала накануне кинопередвижка в «Если завтра война», слыхать не было, то и страху особого у людей тоже не было. Только дворовые собаки, будто оглашенные, надрывались. Видать, лучше хозяев почуяли недоброе.

— По-хме-лев-ка! — по складам повторял немецкий переводчик название деревни, пытаясь объяснить старшему офицеру смысл забавного слова. — Тринкен! Ауф! Шнапс!

— Я, я — добродушно соглашался щеголеватый офицер, щелкая себя по

кадыку холеным пальцем, передразнивая известный русский жест.

Ни тому, ни другому никто не объяснил, что произошло название деревни совсем не от традиционного славянского состояния «похмелье», а от изобилия лесного хмеля, густо оплетавшего окрестные перелески, переходящие к горизонту в настоящий дремучий лес. До таких подробностей командованию прибывшей оккупационной части дела до поры до времени не имелось.

А вот неистовство собачьего поголовья вызвало если не разочарование, то явное недовольство. Неприятие незваных гостей исходило от сельчан угрюмыми взглядами из-подо лбов, вымученными кривыми улыбками-ухмылками с потаенным смыслом, лишенным ожидаемого подобострастия и смирения. Это настораживало, раздражало, вынуждало к ответной реакции.

Песий оглушительный лай, переходивший в глухое рычание при приближении людей в мундирах, требовал показательной острастки.

— Всех собак отловить и доставить на регистрацию! — последовал безапелляционный приказ, тут же растолкованный толмачом свежеиспеченному старосте, выбор которого выпал на бывшего колхозного бригадира по фамилии Безрученко.

В Похмелевке, имевшей отдельную полеводческую бригаду, преклонных лет Безрученко остался, считай, за главного из всех руководителей небольшого, но крепенького хозяйства с центральной усадьбой на узловой железнодорожной станции, километрах в десяти. (Ее уже заняли немцы). Остальное население — ветхие старики, бывшие железнодорожники, доярки, полеводы и те, кого куда пошлют. А отставной бригадир к тому же — с говорящей фамилией: с культей по ло-

коть. Когда был еще при силе и власти, то вожжи бригадирской брички на руку наматывал — и айда по полям. Мужикам, бабам спуску не давал.

А теперь сник. Еще бы! Попробуй, выполни приказ: люди недовольные, собаки злые, немцы — только с виду лощеные и вежливые, поди, угадай, что у них на уме?

Народ недоумевал: что это еще за регистрация такая, отродясь в селе не видывали, чтобы псов цепных на учет ставили... Яблони с грушами Советы переписывали, скотину считали, лошадей отымали. Даже, баят старики, дымные камины в голодные годы на учет брали, чтобы налогом обкладывать... Теперь вот шариков с тузиками черед настал. Ну, а тех, что без призору по задворкам шныряют? По хвостам считать? Те, которые с собачьими свадьбами к деревне прибились и поживают вольготно без цепей и ошейников? За них тоже ответ держать?

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Вот к тебе, убогая, хваленый немецкий «орднунг» припожаловал! Пришла беда: отворяй ворота.

Говорят, охота пуще неволи, а неволя горше любого нежелания, потому что подневольный человек — хуже безмолвной скотины. Та хоть взбрыкнуться может, а то и бзик закатить, задравши хвост и показав пастуху убегающий навозный зад. А что мирный селянин сотворить протестное в состоянии, если вороненые автоматы наперевес, если рука немецкого офицера на кобуре, если черная овчара рвется на тебя с поводка и злобой в лицо дышит?!

Офицерову овчарку, неотлучную спутницу старшего над другими эсэсовцами начальника, невзлюбили сразу и вдруг: и сельчане, и деревенское собачье племя. А узнай в ней виновницу переполоха и представься такая возможность, местные кобели разорвали бы ее на части. Арийская сука как раз готовилась

ощениться, и только беспечность хозяина позволила ей отправиться вместе с ним, как считалось, в недолгосрочную восточную кампанию. Овчарка маялась тяжестью в животе и в обвисших тучных сосках, истекала слюной и злобой, ненавидела любого приблизившегося. Ее раздражали чужие запахи, взгляды, движения, мысли. Незнакомая обстановка, бестолковый собачий лай доводили сучару до бешенства, до утробного рвотного рычания. Хозяин не на шутку встревожился за здоровье своей любимицы и за судьбу вот-вот готового появиться на свет помета. Требовались тишина, покой, отсутствие каких бы то ни было внешних раздражителей. А тут эти беспородные славянские ублюдки... Ничто не должно служить помехой рождению здорового арийского потомства! Следовательно — заткнуть настырные пасти. Навечно.

Поутру светопреставление началось. Кое-кто из догадливых хозяев додумался все-таки отпустить собак с привязей, пинками, криками гнал со двора прочь, а те, верные, домашние, приняв беспричинную немилость за странную игру, возвращались обратно, ластились, дурачились, оглашая окрестности радостным лаем, ни ко времени, ни к месту... А матерый кобель бригадира, такой же сумрачный и лохматый, как и его поводырь, из будки напрочь вылезать воспротивился, пока расстроенный вынужденным старостом Безрученко не намотал поводок на культю и силком поволок упиравшегося кобеля к месту собачьего сбора, показывая пример остальным. Хочешь не хочешь пришлось активничать, уповая на мысль, что, мол, все обойдется, и плохое минет.

Не минуло, не обошлось.

Людям сразу понятным стало, какую регистрацию затеяли немцы возле дикой груши, что подпирала корявыми

ветвями черепицу бригадной конторы. Сюда, к месту традиционного схода, и было велено привести деревенских собак. Вместе с хозяевами. Или наоборот?

Лающее, визжащее, оживленное песье разномастье, привычное к утреннему многолюдству возле конторы, не могло взять в толк, отчего спозаранку столпотворение и что делают на бригадном наряде вооруженные автоматами чужаки, окружившие площадь плотным строем. И куда подевались вчерашние качели. И с какой стати гробовое молчание. И что означают веревочные петли, лениво свисавшие с толстых ветвей.

Пока старший офицер оглашал, а переводчик переводил приказ о проведении обязательной стерилизации всех беспородных собак, разносчиков заразы и скверны, люди на что-то еще надеялись. Все происходившее представлялось не больше чем странное кино, в съемках которого им пришлось вынужденно участвовать. Поэтому, считая себя и своих подопечных случайными и необязательными на «балу» под названием «стеризация», ожидали что-то вроде переписи, в худшем случае — прививок от бешенства, ящура или чего там еще потребует щепетильный немецкий «орднунг». Но не тут-то было! Действительность превзошла все мыслимые и немыслимые ожидания.

Когда, всунутая в петлю распорядителем «бала», — а это был рыжий фельдфебель, принимавший собачьи поводки из рук оторопевших хозяев — задергалась, закачалась и вскоре, вытянувшись, затихла пятнистая гончая вдовы бригадного агронома Степанюка, первая в списке, народ ахнул. Ужас охватил присутствующих, а холодная пасть страха мертвой хваткой сдавила горла и мысли. Руки и ноги отказывались двигаться, а сознание — понимать происходящее.

Пятнистые дети и внуки агрономовой гончей, родоначальницы здешней, до нельзя смешанной породы, пегая от возраста лайка местного лесника, отсутствующего на «параде» по причине недавней мобилизации, разномастные дворняги — эти беспокойные «звоночки» каждого двора, надежные сторожа и пастухи, охотники и следопыты, стойкие в голоде и в холоде обитатели будок и конур, цепные и «вольноотпущенные», не раз битые не слишком заботливыми хозяевами, ухоженные и беспризорные, обласканные судьбою и людьми и не очень, обученные собачьей службе и самоучки, «шарики», «пальмы», «пираты», «дозоры», — всех их без разбору мастей, пород и родословных принимала грушадичка, привычная к качающейся тяжести на своих пружинистых ветвях.

Кто-то из обреченных псов успевал огрызнуться, кто-то лизал хозяевам руки, кто-то норовил ухватить зубами за рукав палача...

Скрипело дерево, превращенное в виселицу. Качались на ветвях-перекладинах страшные плоды, «дозревающие» на глазах. Казалось, плакали колокольчики, тоскливо звенели бубенцы...

На глазах онемевших сельчан умирала, не теряя верности до самого последнего мгновения, собачья преданность, так и не успев ни понять, ни простить вынужденное хозяйское отступничество...

Ступор, охвативший присутствующих, нарушился неожиданной, отчетливо прозвучавшей в тишине командой «фас».

Это бригадир Безрученко, стряхнув с культи намотанный поводок, ею же указал получившему свободу, ощетинившемуся неухоженной шерстью гончаку — сыну той самой «агрономши» — направление броска.

— Кси его! Взять! — добавил бригадир для верности, показывая на старшего офицера, руководившего экзекуцией.

Это все, что успел последнее сделать в должности старосты и в своей дальнейшей судьбе колхозный бригадир. Он и до войны считался непредсказуемым самодуром. Но, как знать, как знать...

Автоматная очередь оборвала прыжок гончака, а также жизнь его хозяина, прекратила весь бессмысленный спектакль, затеянный оккупантами.

Люди разбегались с места сборища в панике и страхе. Собак, не дождавшихся очереди на «регистрацию», фашисты пристрелили на месте. Селян не трогали.

Порядок был восстановлен.

Деревня будто вымерла. Ни огонька, ни звука. Ни привычного, казалось бы, со времен создания Мира деревенского собачьего лая.

А ночью деревню окружили... волки. Да, да, именно они — возбужденные, тоскующие, страшные — завыли нестройным хором, опровергая все законы и правила, существующие в природе. Стоял июнь, начало лета, благодатная для лесных хищников пора, однако неведомые силы и токи заставили зверей сбиться в ночную стаю и напомнить себе и окружающим жутким пугающим плачем суровую пору метелей и морозов, которые всем предстояло еще пережить. А может быть, волки справляли звериную тризну по бесславно погибшим одомашненным собратьям? Как, знать, как знать...

Тревожную ночь провели жители деревни Похмелевка, напуганные произошедшей накануне собачьей казнью и небывалым волчьим пришествием. В хатах шепотом вспоминали о висящих кометах, о других странных небесных явлениях, предшествующих вражеским нашествиям былых времен...

В постоялой избе, где разместился со своей овчаркой старший немецкий офицер, разыгралась настоящая трагедия. У любимицы хозяина начались преждевременные роды — и ошалевшая от боли, страха и угнетавшего сознание и плоть волчьего воя, что, казалось, проникал во все щели и даже бесновался в трубе — молодая обезумевшая сука передавила, а затем сожрала всех своих четверых новорожденных щенят.

Расстроенный таким поворотом дела офицер, не справившись с нервами и позорной бедой, не нашел иного выхода, как застрелить несчастную тварь из парабеллума.

«Какая дикая, страшная страна!» — в отчаянии думал он.

Офицер не мог позабыть тот нечеловеческий блеск, которым загорелись глаза безропотных поначалу сельчан в завершении собачьей экзекуции.

Шел второй день самой губительной в истории человечества войны.

Рисунки Олега Цуканова

«Я никогда душой не покривлю»

Михаил КУЛЕШ,
член Союза писателей Беларуси

Кулеш Михаил Иванович родился 6 августа 1956 года в д. Полкотичи Ивановского района Брестской области в семье крестьян.

В 1973 году окончил СШ № 4 г. Пинска и поступил в Белорусский государственный университет им. В.И. Ленина на филологический факультет, который окончил в 1978 году по специальности филолог, учитель белорусского и русского языка и литературы.

Работал в школах и профтехучилищах преподавателем, завучем, директором. Трудился в других отраслях народного хозяйства.

В 1972 году был принят в литературное объединение «Орбита» при газете «Полесская правда» в г. Пинске. В 1973 году в этой же газете было напечатано первое стихотворение «Приход весны».

Печатался в журналах «Неман», «Полымя», «Маладосць»; газетах «Полесская правда», «Пінскі веснік», «Чырвоная звязда», «Заря над Бугом», «Заря», «Літаратура і Мастацтва».

Автор трех книг стихов:

«Белые ночи» — 1993 год. Тура, Эвенкийский АО. Издательство «Детская литература»;

«Окна» — 2011 год. Брест. Издательство «Альтернатива»;

«Я уже не тот...» — 2014 год. Минск. Издательство «Белпринт».

В настоящее время проживает в г. Бресте. Индивидуальный предприниматель.

Вместе с женой Татьяной Владимировной и дочерью Аленой занимается небольшим семейным бизнесом. Двенадцатилетняя внучка Виктория учится в 6 классе СШ № 10 г. Бреста.

Я никогда душой не покривлю

Я никогда душой не покривлю,
Но в чем вина моя — за это каюсь.
Я мову белорусскую люблю,
Но не пишу на ней и не общаюсь.

Она мне — словно шелест ветерка,
Который нежно шепчется с листвою,
Как звонкое журчанье ручейка,
Что с горки мчится раннею весною.

Звучит тепло, красиво и легко,
Она светла, как благодать из храма.
Друзья — Камейша, Крейдич и Шушко —
И пишут, и поют на ней, но мама...

Она иным мне пела языком,
Склонясь над колыбелью в ночь глухую.
И вместе с материнским молоком
Впитал я речь не эту, а другую.

Я полешук с Ивановских болот,
Трудолюбивый, гордый, безотказный.
Да, белорусы мы, но здесь народ
Немножечко такой — своеобразный.

Не буду объясняться никому,
Но знайте — хата у меня не с краю!
Я в городе живу — и потому
На русском говорю и сочиняю.

Но съехавшись на Пасху всем селом,
Мы все — одна семья, мы вместе — сила!
И после третьей рюмки за столом
Поем всегда «бы маты навучыла».

Поэтому душой не покривлю
И заявляю всем об этом смело:
— Я мать люблю и Родину люблю,
А остальное... разве в этом дело?

Экзамен

Пять лет катил я в гору этот камень,
Но защитился, получил диплом.
И думал, что последний свой экзамен
Сдал в том далеком семьдесят восьмом.

Но сколько в жизни боли и страданий?!
И, зубы сжав, приходится терпеть...
Не знал я, сколько страшных испытаний
Еще придется мне преодолеть.

Я верности отлично знаю цену,
Но верным быть мне не хватало сил.
Сдал кое-как экзамен на измену,
Но, если честно, чуть не провалил.

Любовь меня в свои ловила сети.
Я вырывался — и влюблялся вновь,
Но лучше всех экзаменов на свете
Я выдержал экзамен на любовь.

Грехи, болезни, пьянство и порочность
Сломать могли меня и растоптать, —
Экзамен на устойчивость и прочность
Мне все-таки пришлось пересдавать.

Шагая в ногу с беспощадным веком
Так сложно честь свою не запятнать...
Экзамен, чтобы зваться человеком,
Сдаю всю жизнь — и так стараюсь сдать!

***

Стою у костра одинокий,
На даче мороз, тишина.
И вижу свой выдох глубокий
В замерзшем квадрате окна.

Струятся, как из самовара,
В морозной рассветной тиши
Частички горячего пара
С частичкой горячей души.

Взмывают к просторам безбрежным
И там, средь холодных высот,

Становятся облаком снежным,
И ветер их вдаль унесет.

Мороз и метель не приемлю,
А здесь даже искренне рад:
Я выпаду снегом на землю —
Ты выйди ко мне в снегопад.

Сложи свои руки кувшинкой,
Что в парке цветет на пруду.
Я нежной, пушистой снежинкой
К тебе с высоты упаду.

***

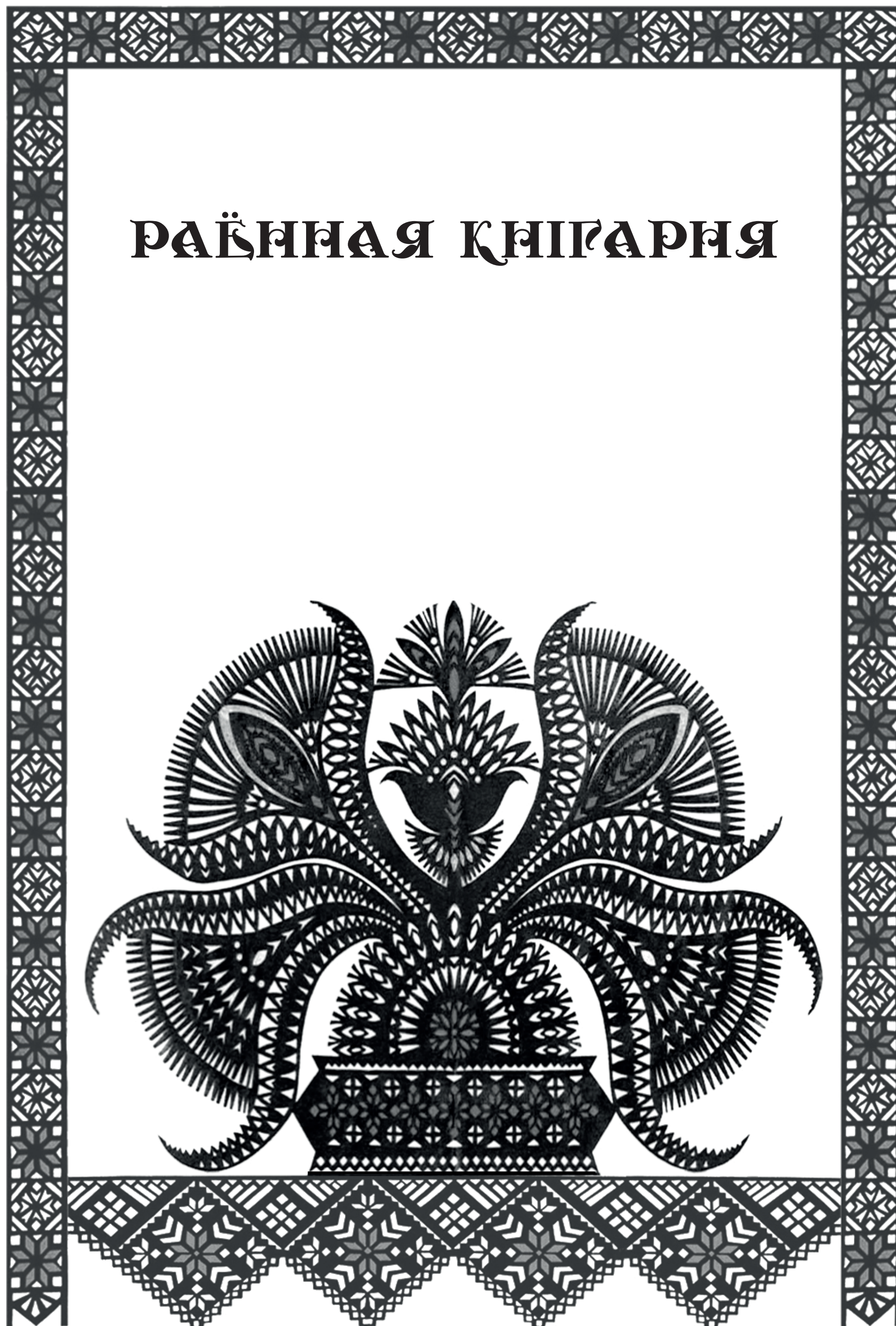
Видно, крест этот дан мне до смерти —
Я не враг никому, не злодей —
Только все у меня против шерсти
И, обычно, не как у людей.

На спектакль или на совещанье,
И к друзьям на тарелочку щей
Я всегда прихожу с опозданьем
Без причины, в порядке вещей.

Переход, даже очень опасный,
Я всегда без труда и стыда
Каждый раз пробегаю на красный.
Просто так, не спеша никуда.

Ну, а сколько в сады я чужие
По ночам пробирался, как вор?!
Да и скорость, как в годы былые,
Превышаю еще до сих пор.

Ни угрозы не в счет, ни советы:
В узких рамках мне жить не с руки...
Вот опять я плюю на запреты
И, ныряя, плыву за буйки.



РАЁННАЯ КНІГАРНЯ

Усяму пачатак — родная мова

21 лютага адзначаўся Міжнародны дзень роднай мовы. Гэта, безумоўна, значная дата ў культурным жыцці краіны. Не засталася ў баку ад гэтага і Брэсцкая раённая бібліятэка. Больш таго: прапаганда і папулярызацыя беларускай мовы вядзецца тут практычна штодзённа.

І адзін са шматлікіх прыкладаў гэтага — дыспут «Чаму мы не размаўляем на беларускай мове кожны дзень?». Ён прайшоў 12 сакавіка ў сценах Брэсцкай раённай бібліятэкі.

Дыспут падрыхтавала і правяла загадчыца аддзела абслугоўвання і інфармацыі Брэсцкай раённай бібліятэкі Марына Васільеўна Пейко. Мерапрыемства сабрала вучняў 10-га класа Чэрнінскай сярэдняй школы. Таксама ў ім удзельнічалі класны кіраўнік гэтых падлеткаў, настаўнік беларускай мовы і літаратуры Віктар Паўлавіч Баран; намеснік дырэктара па выхаваўчай працы СШ в. Чэрні Валянціна Васільеўна Баран.

Прысутныя паглядзелі анімацыйны фільм культурніцкай кампаніі «Будзьма беларусамі!», зрабілі кароткі экскурс у гісторыю беларускай мовы, паўдзельнічалі ў дыялоге-дыспуце. У выніку аўдыторыя прыйшла да наступных высноў. Каб выдатна засвоіць беларускую мову, патрэбна чытаць беларускія кнігі, часопісы, газеты, пісаць на роднай мове, перакладаць на беларускую мову, слухаць беларускія песні, а таксама перадачы, якія гучаць на беларускай мове, глядзець цікавыя беларускамоўныя праграмы і фільмы...

Вучні пазнаёміліся з міжнародным анлайн-праектам «посткросінг», які дае магчымасць расказаць аб сваёй краіне практычна ўсяму свету. Марына Васільеўна падарыла прысутным паштоўкі, каб яны таксама маглі ажыццявіць гэта.

— Мерапрыемства атрымалася вельмі слушным, цікавым, — адзначыла напрыканцы Валянціна Васільеўна Баран. — Нашы вучні атрымалі магчымасць пачуць родную мову не толькі ад нас, настаўнікаў, але і ад прадстаўнікоў іншых прафесій. У прыватнасці, ад бібліятэкараў. І гэта вельмі цікава! Хацелася б, каб такіх мерапрыемстваў было як мага больш!

«Не пакідайце ж мовы нашай беларускай, каб не ўмерлі!» — пісаў больш стагоддзя назад Францішак Багушэвіч.

У роднай мове жывуць гісторыя і традыцыі народа. Праз яе трымаецца сувязь чалавека з роднай зямлёй. Родная мова — гэта душа народа. Дык давайце ж будзем шанаваць і развіваць яе!

Аляксандр ЯРМАШУК

Ад слова да сэрца

Творча падышлі бібліятэкары Чарнаўчыцкай сельскай бібліятэкі да святкавання Сусветнага дня роднай мовы. Тут вучні 5-га класа сталі ўдзельнікамі вандроўкі ў родную мову «Ад слова да сэрца». Бібліятэкары падрыхтавалі разгорнутую выставу лепшых беларускамоўных кніг. На імправізаваных прыпынках-раздзелах выставы «Загадкі», «Прыказкі», «Казкі», «Роднае слова», «Фальклор» дзеці знаёміліс з кнігамі, якія ёсць ў бібліятэцы па гэтых тэмах, адгадвалі загадкі, малявалі, складвалі прыказкі з беларускіх слоў, падбіралі працяг прыказкі, па апісанні знешніх прыкмет называлі герояў казак.

На прыпынку «Роднае слова» дзеці выступілі ў ролі перакладчыкаў і прынялі ўдзел у гульне з мячом «Хуткае слова». Сюрпрыз чакаў удзельнікаў на прыпынку «Фальклор». Тут паказалі сваё майстэрства вучні са школы мастацтваў: дзяўчынкі танцавалі беларускі танец «Лявоніха», а ўдзельнікі інструментальнага ансамбля выканалі беларускія народныя мелодыі. Спадабалася ўсім прысутнім і выстаўка «Смак беларускай мовы», з якой, дарэчы, дзеці ўзялі шмат беларускіх кніг, а таксама далі абяцанне больш размаўляць і чытаць на роднай мове.

Тамара КУЧКО

Велика роль этих книг в духовной жизни человека

Мероприятия, посвященные Дню православной книги, состоялись в ГУО «Средняя школа д. Чернавчицы», в воскресной школе Владимирской церкви агрогородка Мухавец и воскресной школе при Михайловском храме агрогородка Остромечево.

Так, в Чернавчицах этот день начался с молитвы и слова о празднике настоятеля Параскевинского храма агрогородка протоиерея Иоанна Кинчака.

В празднике православной книги приняли участие воспитанники воскресной школы Параскевинского храма, ученики, посещающие факультатив «Основы православной культуры», и школьники 3–4 классов.

На мероприятии, главной целью которого было показать важность и особую роль православной литературы для духовной жизни каждого человека, была продемонстрирована мультимедийная презентация «День православной книги», организованы выставка православных книг и печатных изданий, а также экспозиция «Моя первая рукописная книга», созданная детьми на практическом занятии. Также преподаватели и ученики обсудили рассказ Б.А. Ганаго «Прозрение».

На уроке в Мухавце были использованы такие методические материалы, как указания «День православной книги в школе» (материалы для учителя) и

видеопрезентация «День православной книги».

Ребята с интересом узнали о том, что в рукописных книгах все создавалось человеческими руками, без использования возможностей техники, и что в начале XIX века детская книга была еще почти предметом роскоши. Немногие могли себе позволить иметь дома детскую библиотеку.

В качестве творческого задания была предложена работа с раскраской буквиц. Учащиеся были настолько поражены их красотой, что обратились с просьбой принести каждому и другие варианты красавиц-буквиц. Занятие завершилось чаепитием.

День православной книги в Остромечево организовали настоятель данного прихода иерей Владимир Свидунович и преподаватель воскресной школы Жанна Скалдуцкая. Они рассказали учащимся школы об истоках обще-

церковного праздника Дня православной книги. Вниманию участников была представлена мультимедийная презентация «Первая печатная книга на Руси», разработанная кандидатом педагогических наук Е.В. Макаровой при участии Издательского совета РПЦ, а также видеопрезентация «Кирилл и Мефодий». После проведения урока священник ответил на вопросы учеников.

Татьяна ПЕТРОВА

Литературное путешествие на ковре-самолете

В народных сказках ковер-самолет помогает герою, обычно Ивану, в безвыходной ситуации быстро преодолеть большое расстояние. А ребята из перво-

го класса Вистычской школы вместе с учителем Аллой Кручик и библиотекарем Аленой Маковской отправились в литературное путешествие на библиотечном ковре-самолете, чтобы весело и с пользой провести каникулярное время. В пути они участвовали в различных викторинах и конкурсах, разгадывали загадки, пробовали придумать новый конец сказки «Репка», вспоминали песни из популярных мультфильмов по мотивам народных сказок.

Алена МАКОВСКАЯ

Шлях Георгія Тамашэвіча

Шлях: вершы / Георгій Тамашэвіч. —
Брэст : ААТ «Брэсцкая друкарня», 2014. — 80 с., фотаздымкі.

Всегда радуют меня личные встречи с интересным собеседником Георгием Степановичем Томашевичем. Люблю его стихи. Особо запали в сердце «Сімвалы Берасцейскай зямлі» и «Прапаў без весткі...» из поэтического сборника «Новы дзень». Они о нашем крае и о старшем брате поэта, красноармейце, погибшем на Висле в конце Великой Отечественной.

И вот новая, небольшого формата и тиража, книжечка с символическим названием «Шлях».

Открывают ее «Некалькі слоў пра сябе» и «Линия судьбы», в которых автор, а также поэтесса Любовь Красевская приводят биографические вехи жизненного пути Георгия Степановича. Родился он в августе 1939 года. «Трэці, чацвёрты, пяты і шосты жыццёвы мой жнівень былі ў палоне Вялікай Айчыннай вайны... нялёгкі, трывожны і трагічны той час. І гэта застаецца на ўсё жыццё». Окончил Калининградское медицинское училище, служил в Советской армии. Затем — факультет журналистики Киевского университета. А семнадцатилетнюю редакторскую работу в Барановичах довелось сменить в начале 90-х годов на государственную службу в средствах массовой информации в Бресте и жить заботами газет, радио, телевидения, издательского дела... Много лет Георгий Томашевич был председателем Брестской областной организации общественного объединения «Белорусский союз журналистов».

И при всем этом, главное — поэт! В «Шляхе» нет разделов. Стихи трогательно звучат, встраиваясь в линию судьбы со своими точками отсчета, со своими взаимоотношениями с людьми и целым миром. В них темы Родины, патриотизма, любви и дружбы, доброты и справедливости, памяти. Вот строки из «Успаміна»:

Памяць дзяцінства ізноў на вайне
Доўжыцца сціплым радком,
Боль пахаронкі дагэтуль ва мне
З Віслы пажоўклым лістком.

А вот заключительные строфы из двух стихотворений: «В крепости» и «Он вернулся из первого боя».

Живой стою
с молитвой в Цитадели,
Спасительна
Связующая нить.
Печаль и героизм
святой Победы
Спешу и за потомков
Ощутить.
***
Медальон
Отыскали с запиской:
Имя, отчество... номер заставы...
Святость веры сердечной
Не высказать,
Справедливой надежды и славы.
Дочь седая отца и героя
Дождались.
Он в печальной тиши
Возвратился из первого боя
Через семьдесят лет с небольшим.

Александр Юдицкий,
член Союза писателей Беларуси.
г. Брест

ВЕРНІСАЖ

С фотокамерой по жизни **ВРЕМЕНА ГОДА**

ЛЕТО

Председательские будни Алексея Степановича Скакуна очертить одним росчерком пера невозможно. Даже если следовать за ними по сельскохозяйственному, природному календарю. Однако присутствуют в его жизни незабываемые моменты, которые навсегда остаются запечатленными на фотопленке. Летним ли утром у хлебного поля, в жаркий ли полдень уборочной страды, на вечерней ли зорьке возле тихого пруда, казалось бы, замирают мгновения, и очарованная душа застывает в изумлении — вот оно! Прозрачное небо под белыми крыльями. Синие васильки во ржи вперемешку с солнечными ромашками. Лебединый выводок — любовь, материнство и детство в обнимку. И конечно же — труженик, хлебороб во всем его величии и земной простоте.

Да, есть среди нас люди, обладающие внутренним зрением ума, сердца и души, и эту врожденную способность никак не перепутать с элементарной физической остротой зрения. Иначе говоря, они не путают небо с небесами... Способны видеть то и другое в гармонии.

Алексей Степанович Скакун — именно из таких неординарных личностей, щедро наделенных талантами. Умение различать, наблюдать, ценить красоту окружающего мира — у этого человека в крови. Именно поэтому многое ему удается, многое ему по плечу.

Александр ВОЛКОВИЧ

СТАРОНКІ ГІСТОРЫІ

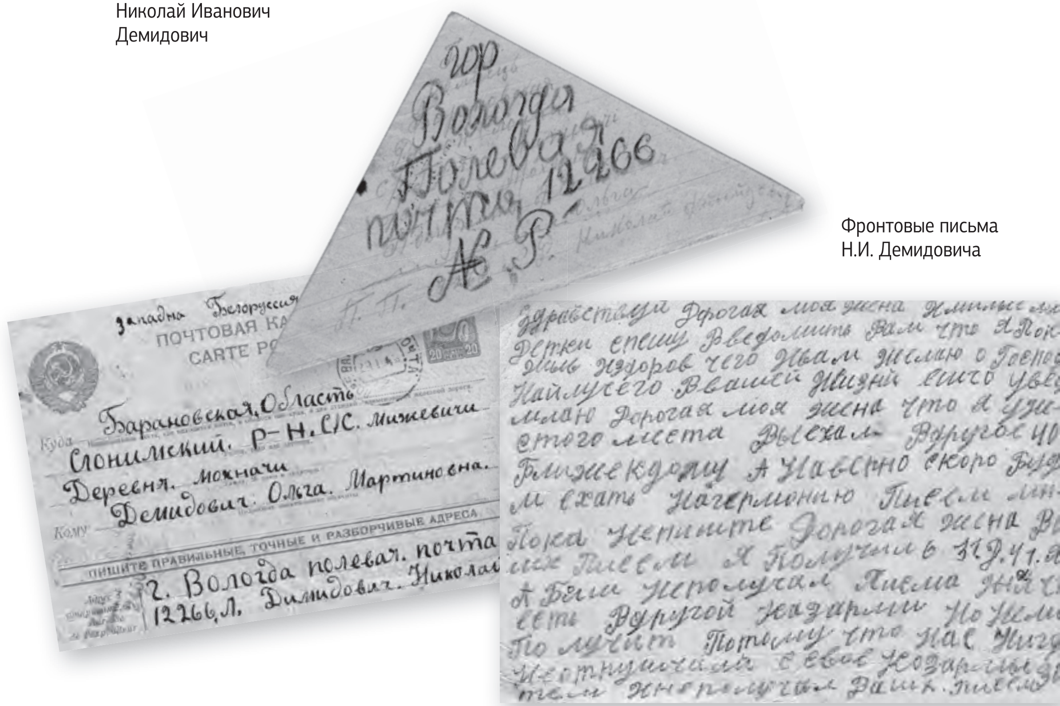
Остались фронтовые письма, «похоронка»... и память

О своем деде-фронтовике рассказывает Светлана Ильина, художественный руководитель Чернавчицкого СДК

Николай Иванович Демидович

О своем дедушке я знаю из рассказов мамы и бабушки. Николай Иванович Демидович родился в 1906 году в деревне Стригинь Песковской волости Слонимского уезда Гродненской губернии. В настоящее время деревня входит в состав Березовского района Брестской области.

Рос в бедной многодетной семье. В июле 1931 года женился на моей бабушке. Нападение фашистской Германии встретил в родном селе. Вместе с односельчанами семья пережила оккупацию, а после освобождения района от захватчиков Николай Демидович был призван в Красную армию.



гор
Вологда
Полевая
почта 12266
№ Р.

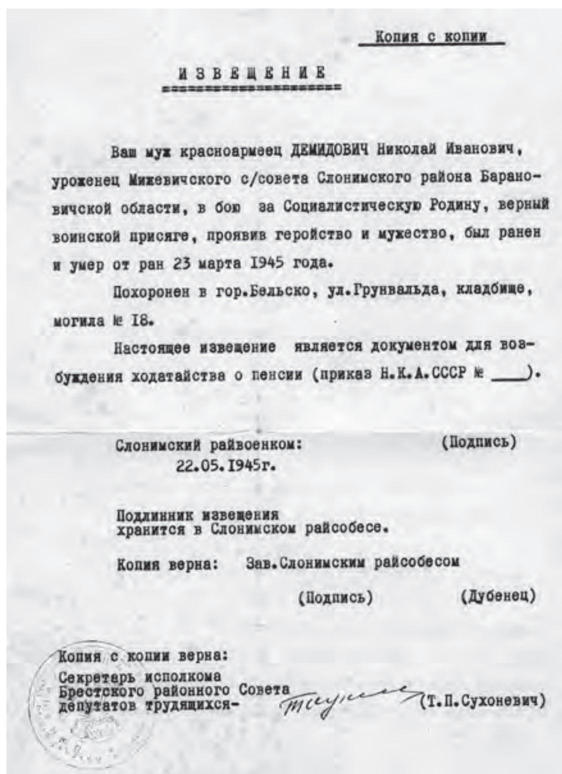
Западна Белоруссия
ПОЧТОВАЯ КА
CARTE PO
Барановская Область
Куда Слонимский Р-Н. С/С. Мижевичи
Деревня. Мохначи
Кому Демидович Ольга Мартиновна.
ПИШИТЕ ПРАВИЛЬНЫЕ, ТОЧНЫЕ И РАЗБОРЧИВЫЕ АДРЕСА
г. Вологда полевая. почта
12266, Л. Димидович. Никола

Здравствуй Дорогая моя жена

Фронтовые письма Н.И. Демидовича

В семье до сих пор хранят такую легенду. Когда деда провожали родные, поравнявшись с березками на краю села, он сказал: «Под этими березами и распрощаемся. Берегите маму. Не плачьте. Скоро закончится война, и я вернусь домой».

К сожалению, с войны Николай Иванович не вернулся. Вместо него приходили редкие письма, а потом — «похоронка»... Умер он от ран в госпитале польского города Бельско-Бяла 23 марта 1945 года.



Копия с копии

ИЗВЕЩЕНИЕ

Ваш муж красноармеец ДЕМИДОВИЧ Николай Иванович, уроженец Мижевичского с/совета Слонимского района Барановичской области, в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был ранен и умер от ран 23 марта 1945 года.

Похоронен в гор.Бельско, ул.Грунвальда, кладбище, могила № 18.

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии (приказ Н.К.А.СССР № ____).

Слонимский райвоенком: (Подпись)
22.05.1945г.

Подлинник извещения хранится в Слонимском райсобесе.

Копия верна: Зав.Слонимским райсобесом
(Подпись) (Дубенец)

Копия с копии верна:
Секретарь исполкома
Брестского районного Совета
депутатов трудящихся- (Т.П.Сухоневич)

Лишь спустя много времени нам удалось узнать, что воевал Николай Демидович в одной из рот, входящих в состав 1-го Украинского фронта, а смертельное ранение получил в бою на подступах к чехословацкой границе...

А еще через много лет моему отцу удалось побывать на месте захоронения своего отца-героя...

...Я никогда не видела его и знаю лишь по фотокарточке. Нет в живых уже ни бабушки, ни ее детей. В тяжелое время она одна воспитывала троих. Сейчас обо всем этом я рассказываю своему сыну. Уверена — память о войне, о героизме наших дедов и отцов никогда не померкнет. Мы всегда будем помнить о подвиге старшего поколения. И не только помнить, но и прославлять в песнях и стихах, приносить цветы к памятникам погибшим односельчанам, воспевать их подвиг в «военных» постановках нашего драматического кружка, созданного при Чернавчицком СДК.

Сын Н.И. Демидовича возлагает венок на могилу отца в г. Бельско-Бяла (Польша)

Воспоминания о войне Василюка Сергея Романовича

Василюк Сергей Романович, 1927 года рождения, житель п. Мухавец. Работал в местной школе зам. директора по учебно-воспитательной работе, преподавателем физики. Ушел с работы в возрасте 84 года, ныне пенсионер. В ноябре 2015 года ему исполнится 88 лет. Дочь — Якимчук Галина Сергеевна, преподаватель физики Мухавецкой школы, ныне на пенсии. (фото: ноябрь 2012 г.)

Сколько лет уже прошло, а воспоминания тревожат, бередят душу. Кажется, все уже и забыться должно, но память хранит самые мельчайшие подробности. Хочется забыть и не помнить, но вспоминается все, словно это было вчера, так свежи воспоминания.

Я жил в деревне Каменица-Жировецкая Брестского района. Отец, Василюк Роман Федорович, 1886 года рождения, участник 1-й Мировой войны с 1914 года, мать — Татьяна Никитовна, 1892 года рождения. В семье было пятеро детей. В начале войны мне было 14 лет. Наша семья была партизанской. А что это значило? Это значило жить все время в напряжении, мы два года не знали, что это такое — спать в постели, ночевать дома. Или все время по чужим домам, в разных деревнях, либо в лесу в «схроне».

«Схрон» каждый мастерил себе сам или же в компании нескольких человек. Мы с друзьями вырыли схрон на 5 человек, на песчаной горке. Землю выносили в мешках и высыпали подальше, чтобы никто не мог заподозрить, что здесь находится наше убежище. Крышу укрепляли стволами деревьев, сверху засыпали землей, маскировали мхом, дерном — все под окружающую природу. Входом в схрон служил узкий лаз, словно в норку, едва протиснуться можно. Сверху лаз закрывали кустом можжевельника. Для того, чтобы немецкие овчарки не почуяли след, каждый из нас, когда подходил к убежищу, посыпал свои следы тертым табаком (табак во время войны выращивали в каждой семье). Ночевать в деревне опасались из-за немецких карательных отрядов, каждый вечер уходили в свое убежи-

Василюк Сергей Романович во время службы в армии

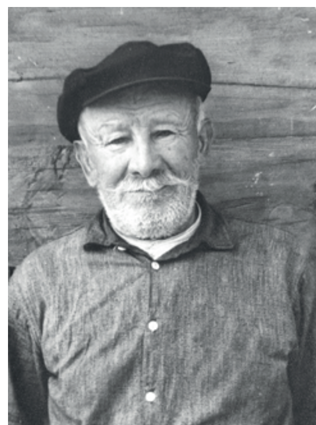
ще. Однажды немцы цепью прочесывали лес, прошли совсем рядом с нашим схроном, мы даже слышали их голоса, шаги. Нас не обнаружили!

Дом наш был в деревне Каменица-Жировецкая. Не забываются те страшные события, свидетелем которых мне пришлось быть. В нашей деревне немцы расстреливали людей только за то, что они были евреями. Их привезли из гетто. Первый раз, когда расстреливали, согнали на показ для устрашения всю деревню. Мы стояли и смотрели, как их гнали через всю деревню, раздетыми, только в нательном белье. Над ними еще и издевались: одному мужчине надели на голову чугунок, а так как он не налезал, то чугунок вбили на голову прикладом винтовки. Так и стоит у меня перед глазами эта картина, как этот человек брел по дороге и все время повторял по-польски: «То есть мое свенто!». Немцы заставили евреев самим вырыть себе могилу, а потом каждого подводили к краю и стреляли в затылок. Всего было около 20 человек, были только мужчины. Расстрел вел немец, которого у нас в округе прозвали «кат» (палач). После того, как он расправился со своими жертвами, он снял со своих рук белые перчатки и бросил их в могилу. Затем бросил туда же пару лопат земли и отошел. Дальше могилу прикапывали другие.

Когда расстреливали во второй раз, то привезли не только мужчин, но и женщин, и детей. Тогда деревенских людей уже не сгоняли, стал я свидетелем этого расстрела случайно: рядом был сарай моего дядьки, а я был в сарае и все это видел через щели в досках. Расстреливал все тот же «кат», причем он подводил человека к краю могилы, ставил на колени, минут пять о чем-то беседовал со своей жертвой, потом стрелял. Затем подводил следующего, ставил на колени и опять о чем-то беседовал. Остальные люди стояли, смотрели на все это и обреченно ждали своей очереди, пока «кат» растягивал эту казнь в свое удовольствие.

«Кат» жил в деревне Каменной, про него рассказывали, что утром он не садился завтракать, прежде чем не загубит хоть одну живую душу: будь то птица, животное или человек...

Война шла, и хоть мы часто сталкивались со смертью, с лишениями и жили в огромном напряжении, но все же жизнь шла своим чередом. Мой старший брат Петр женился. Сначала он и его жена работали с подпольщиками, а впоследствии ушли к партизанам в отряд им. Чернака.


Василюк Роман Федорович, 1886 г.р., отец

Василюк Петр Романович с женой Диной

Василюк Петр Романович, партизан отряда им. Чернака

Жена Петра, Дина Ивановна (Овсянникова), участвовала в городском подпольном движении и занималась выносом из города оружия, медикаментов. Часто я сопровождал ее в Южный городок, куда она носила в корзинке на продажу яйца, масло и др. Затем она покупала медикаменты в частных аптеках, прикрывала их папиросами, и мы несли все это сначала домой, а потом переправляли партизанам.

Когда ходили по домам и искали «восточных», к нам тоже зашли. Пока немцы беседовали в первой половине дома, мой отец успел спрятать невестку Дину в мешок из-под картошки и вынести из дома через другую дверь, которая вела к хозяйственным постройкам и спрятать ее в сарае. Так она спаслась.

Вскоре после этого мой брат с женой ушли к партизанам. Во время одной боевой операции Петр погиб. Партизаны тогда отправились на диверсионные работы на железную дорогу. Впереди шел разведчик, Вольский Андрей. Немцы устроили засаду, специально пропустили разведчика, а когда подъехала подвода с партизанами, начали стрелять. В той подводе был и мой брат. Похоронили его в деревне Большие Радваничи.

Вспоминается и такое: было это в доме Артемасовых. У них в доме находились два партизана, и тут хозяйка заметила, что к дому направляются немецкие солдаты. Совсем не было времени, чтобы спрятаться, и партизаны пошли на отчаянный шаг: один из них спрятался за одной дверью, другой — за другой створкой дверей. А хозяйка схватила лукошко с яйцами и шагнула навстречу немцам, которые уже отворяли входную дверь. Немцы сразу же ухватились за корзинку, и пошли восвояси. Когда после их ухода хозяева посмотрели на двери, то увидели, что из-под дверей торчали ноги партизан, которые никто в запале и не заметил! Благодаря смелости и самообладанию они остались живы.

Во время войны меня чуть было не угнали на работу в Германию. В то время на каждую деревню приходил «план» — сколько человек отправить в Германию. Иногда немцы устраивали облаву на рынке, и кого хватали, того и отправляли на работы. Когда в деревню приходили списки, собирались люди и решали, из какой семьи забрать девушку или парня. У меня было два старших брата и младшая сестра. Решили отдать меня. Надо было еще пройти медкомиссию. Но на пересыльном пункте случилось непредвиденное: я вышел оттуда по каким-то делам, чтобы затем вер-

нуться. А потом увидел, что никто меня не задерживает, и я стал уходить все дальше и дальше. В городе я встретил своего знакомого и рассказал про свою беду. Он меня выслушал и отвел к знакомой врачихе — окулисту. Та намазала мои глаза какой-то мазью, от чего они у меня почернели, вокруг глаз напухло. Когда я затем показался на медкомиссии, меня признали не годным к работе, так как немцам нужны были только здоровые работники. Так, совершенно случайно, мне удалось избегнуть участи быть угнанным в Германию.

Находившись на оккупированной территории, волей-неволей нам приходилось изучать немецкий язык. Знание языка несколько раз мне помогло спасти свою жизнь. Однажды была проверка документов, и я со своим другом Володей пошли в комендатуру. Документы у нас были в порядке, но тут вдруг немец обратил внимание на то, что на Володе был надет немецкий мундир, перекрашенный чернилами. И он начал к нам цепляться — раз у нас немецкий мундир, значит, мы связаны с партизанами. А это означало расстрел. Я набрался смелости и начал сочинять на ходу, объясняя немцу, что у моего друга дядя работает в городе в госпитале, и что ему за хорошую работу дали этот мундир, а дядя подарил его своему племяннику. Как ни удивительно, но это сработало, немец поверил и отпустил нас.

В другой раз меня снова выручило знание немецкого языка. Немцы согнали мужчин на работы — мы копали окопы, траншеи. Тогда уже шло отступление и немцы готовили себе оборонительные укрепления. Когда пришел старший проверять нашу работу, то выяснилось, что мы неправильно расположили доты: не в направлении Советской армии, а совсем наоборот, в направлении Польши. Немец пришел в ярость, начал кричать и ругаться, подозревая нас, что мы сделали это с умыслом. Не знаю даже, чем это могло бы закончиться. Ведь расстреливали немцы и за меньшую провинность. Я начал объяснять на немецком языке, что мы ни в чем не виноваты, как нам сказал солдат, так мы и сделали. Тогда майор сразу же переключился на солдата, он отыскал его и начал злобно отчитывать. А мы стояли и смотрели, как майор хлестал солдата по щекам, а тот стоял навытяжку и только бормотал: «Яволь, герр майор, яволь» («Так точно, господин майор»).

Никогда мне не забыть тот страшный день, когда немцы сожгли деревни Закий и Семисосны. Казалось, время остановилось. Длился он целую вечность, и никак нельзя было дождаться, когда же придет вечер, когда же, наконец, этот страшный день закончится ...

Накануне этого дня я ночевал в Семисоснах. Я уже давно не имел возможности ночевать в своей деревне, наша партизанская семья скрывалась по разным домам. В то время люди принимали на ночь без всяких разговоров, и накормят, и спать положат — так было заведено.

В этом же доме, вместе со мной, заночевали три партизана. Рано поутру, едва начало светать, мы узнали, что на деревню идут карательные отряды, состоящие из мадьяр. Как позже стало ясно, они шли, чтобы сжечь деревню Закий.

Во время войны люди приучились убегать в лес не кучей, а врассыпную, по одному человеку. Вот и мы подхватились и побежали к лесу. Я никак не мог поспеть за партизанами, начал отставать. Впоследствии оказалось, что я остался жив именно потому, что отстал.

До леса оставалось совсем мало, 20–30 метров, и партизаны добежали бы

Встреча с учениками СШ п. Мухавец, сентябрь 2013 г.

до спасительных деревьев. Сквозь туманную утреннюю дымку были видны солдаты-мадьяры, идущие цепью через деревню. У одного из партизан нервы не выдержали, он остановился и начал строчить из автомата. В ответ мы получили такой шквальный огонь, что не знали, как и спрятаться и какой дорогой бежать. Партизаны так и не смогли добежать до леса, их постреляли, все трое полегли на опушке.

Я все бежал по лесу, не зная, в какую сторону лучше податься. Куда ни повернешь, отовсюду доносится стрельба. Совсем заплутал в лесу и потерял ориентировку, а когда добрался до окраины леса, то выяснилось, что я опять прибежал все в те же Семисосны!

Я решил вернуться в тот дом, где ночевал. В это время каратели зажгли крышу сарая трассирующими пулями. Хозяин, было, полез на крышу, чтобы потушить огонь, но вдруг кубарем скатился вниз. За ним следом полез другой мужчина, и тоже скатился вниз. Хотел и я броситься тушить пожар, но решил оглядеться по сторонам. И что же — недалеко от сарая увидел я солдата-мадьяра, который с колена метко стрелял по крыше. Как потом оказалось, хозяину пуля попала прямо в голову, второму мужчине — в щеку. ...Вот так смерть близко ходила от меня.

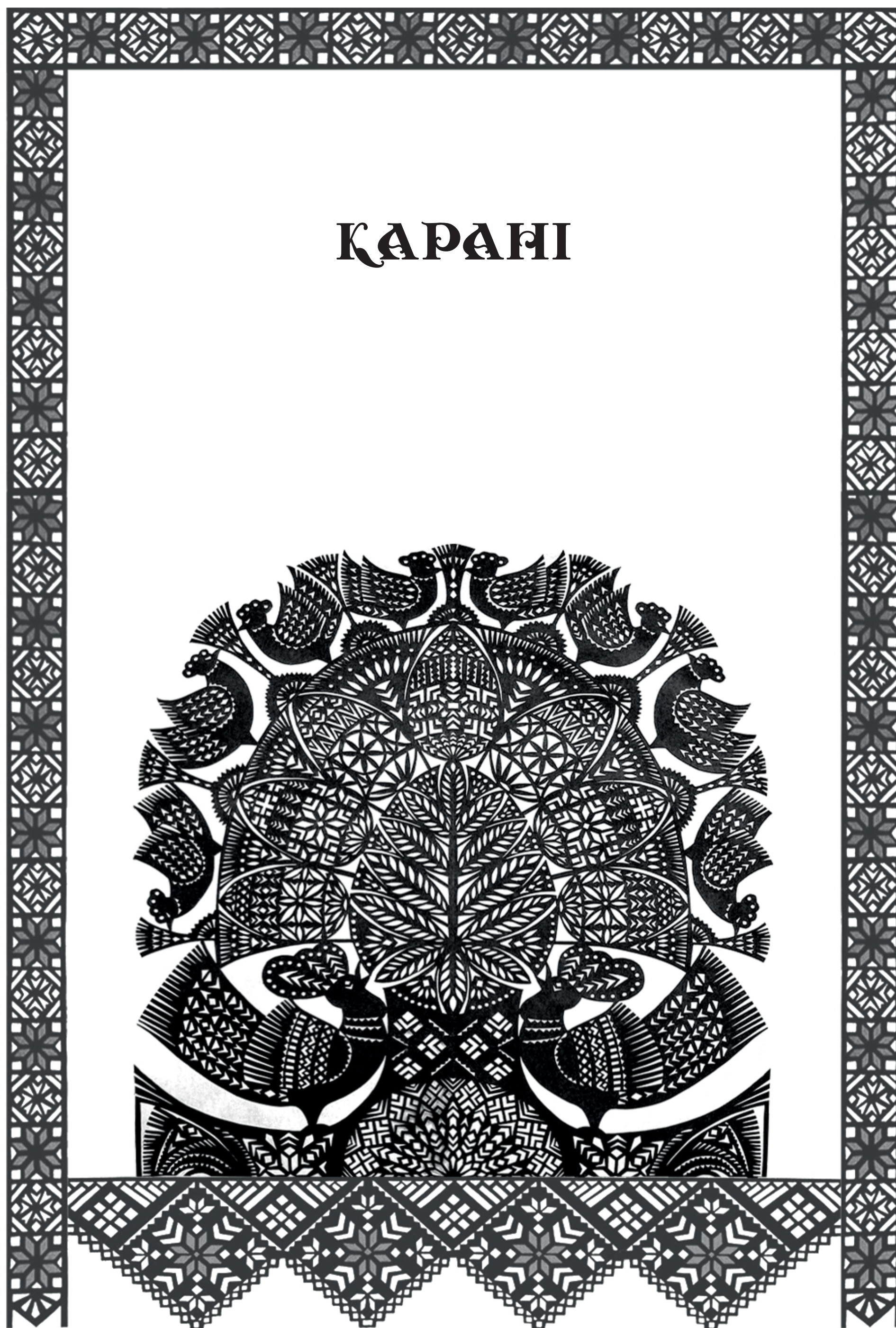
Потом, когда я выскочил из дома, я нечаянно столкнулся с одним из солдат, он держал винтовку наперевес и напряженно смотрел на меня. Я так растерялся, что неожиданно для себя взял да и улыбнулся этому солдату! Он тоже улыбнулся в ответ, повесил ружье на плечо и ушел.

По дороге к сараю мадьяр бросил гранату в курицу, наклонился, чтобы подобрать, но там подбирать было нечего, все разнесло в клочья. Он пошел дальше, а мы с хозяйкой бросились выгонять из горящего сарая теленка и корову.

В тот день каратели сожгли партизанские деревни Закий и Семисосны. Все вокруг было затянуто дымом, а день все продолжался и продолжался, не было ему ни конца, ни края, и так трудно было дожить в тот день до вечера...

А.Т. Крац

КАРАНІ



Марина Пейко:

«І зноў пабачыла сялібы, дзе леты першыя прайшлі...»

Кто я? Откуда мой род? Чей у меня характер? Эти и многие другие подобные вопросы я начала задавать себе, когда сама стала мамой... По крохам собираю сведения о моих предках. К сожалению, понимание необходимости обращения к корням пришло поздно.
Но скудные воспоминания, которые успела записать, когда бабушка была жива, а также собственные далекие впечатления детства кое-что проясняют и будоражат воображение.

Бережно храню в шкатулке старые, местами очень ветхие фотографии своих прабабушек, прадедушки, бабушек, двоюродных бабушек и других родственников, многих из которых никогда не видела. Храню некоторые документы — трудовые книжки, профсоюзный билет деда, судовой билет, справку 1946 года (д. Отвержичи Маньковичского сельсовета Столинского р-на Пинской обл.) на получение метрической выписки... Особенно дороги удостоверения к медали «Ветеран труда» и орденская книжка награжденного орденом Отечественной войны II степени, медаль «Узнику нацизма» и карманные часы... И запах... Так пахнет от этих реликвий, таким чем-то родным, деревенским... Наверное, именно так пахнет история.

Мой отец родом из Каменецкого района, мама — со Столинщины. В 70-е годы, в поисках более легкой и интересной жизни они, молодые, уехали в Брест. И мама, и отец, каждый в своей деревне были завклубом. Любовь к музыке их объединила в городе. А мы с сестрой, будучи детьми, ездили к бабушкам на лето в деревню. У меня к каждому краю — будь то пущанские леса или полесские болота — своя любовь, свое особое отношение на всю жизнь. Только теперь понимаешь, откуда веселый, где-то безалаберный, характер у отца — полевика — и непростой, скупой на ласку характер у мамы-полешучки.

Всматриваюсь в старые фотографии и представляю, какими были мои пред-

ки 40–60 лет назад, как одевались, чем жили, какие у них были заботы...

Вот фото моих «полесских» родичей. Сделано примерно в 1955 году. На фото моя прабабушка Фёкла и внуки рядком — Соня, Коля, Ксения (моя мама). На заднем плане — мой дед Яхновец Василий Иванович (1924 г.р.) и бабушка — Надежда Адамовна (1927 г.р). Типичная полесская семья. Удивительно то, что баба Надя и дед Василь — троюродные брат и сестра. Детьми ходили они в польскую школу. Бабушка была из небедной семьи. Еще при Польше ее родители владели неплохим наделом земли, пользовались трудом наемных работников.

На начало Великой Отечественной войны деду было 17 лет. Он был красивым, высоким юношей спортивного телосложения. Немцы угнали его на принудительные работы в Дортмунд. Дважды его заваливало в шахте. После второго обвала шахты дед лечился в госпитале, там же его и оставили ухаживать за больными до самого освобождения лагеря американцами. Долгим и трудным был путь на родину. Дед рассказывал, как добирался он с одним товарищем домой: где пешком, где товарными поездами. Когда были короткие остановки — можно было развести огонь и сварить немного крупы подкрепиться и согреться. Команда «По вагонам!» и — поел-не поел — бегом в вагон, лишь бы не отстать, лишь бы ехать. Рассказывал дед, как ели мерзлую сырую брюкву с песком... Пришел в родные Отвержичи. А там — пепелище. Немцы выжгли деревню, местные жители

На фото: прабабушка Фёкла
и внуки рядком — Соня, Коля,
Ксения (моя мама).
На заднем плане — мой дед Яхновец
Василий Иванович (1924 г.р.)
и бабушка — Надежда Адамовна
(1927 г.р)

успели убежать, укрыться в лесу. Встретилась деду родная старшая сестра Лисавета и спрашивает: «Хлопцы! Може бачили брата мого, Василя?» Не узнала... Таким неузнаваемым стал брат за два года... А старший брат деда — Александр — погиб и похоронен в Польше.

Люди возвращались на пепелище. Рыли землянки с малюсенькими окошечками у земли... После войны молодые Василий и Надежда решили пожениться. Пришли расписываться — а невесту взяла лихорадка. Плохо стало очень, прилегла на землю, в тени, под березами. А дед в сельсовет. «А где ж, Василь, твоя невеста?» — «А там, под березами лежит, больная». — «Так что ты такую хворую берешь, помрет сейчас». А Василь отвечает: «А хоть один день с ней проживу, пусть она будет моей»... И прожили вместе они 60 лет! Построили дом на горе, родили и вырастили четверо детей (тех, что на фото, и еще одного мальчика), и всю жизнь трудились, трудились, трудились. Трудились в колхозе. Дед был в бригаде «ездовых» — ухаживал за лошадьми и выполнял все работы, связанные с лошадьми. Он был смелым и справедливым. На колхозных собраниях не боялся сказать, что думает. Советскую власть не любил, высказывался резко, но правдиво. Думаю, после того ада, который он пережил, ему уже ничего не было страшно. А какой он был мастеровой!!! Вязал рыбацкие сети, делал все: от ложек до лодок. Дежки, бочки, стульчики, кошели, корыта, окна, двери — все ему удавалось. Однажды бабушке приснился недобрый сон: она доила корову, и у коровы оторвались соски. Сон оказался пророческим. Спустя некоторое время дедушка пилил доски, и ему циркуляркой отрезало три пальца на правой руке. Но прошло время, раны зажили — и дед снова мастерил! Сельчане называли его «наш Васильчик». Его уважали, шли к нему за помощью и за советом. На пенсии дед не сидел на завалинке — помогал церкви, столярничал, клал печи и «давал звоны» на колокольне.

Мой дед был хорошим мужем и строгим отцом. Мама рассказывала, как строго он ее наказал, когда она заигралась и не заметила, как щенок оставил лапы на страницах книги «Всадник без головы». Она вырвала испачканные страницы, но не тут-то было: «преступление» было раскрыто... Этот урок мама помнит до сих пор... Мама была старшей и доставалось ей как старшей — за всех. А еще мама рассказывала, что у них в семье было принято молиться перед едой, и приступать к еде только после батьки.

Бабушка была хорошей женой. Спокойной, покладистой, аккуратной. Если когда и не согласна была с дедом — губы подожмет и промолчит. Она была ЗА МУЖЕМ. Печь, дети, огород, порядок в доме — это на ней. В свободные зимние вечера, как и все женщины того времени, пряла куделю, вязала кружева к подузорникам, ткала рушники, много вышивала — крестом и гладью — и учила этому своих дочерей.

Знаю, что и дедушка, и бабушка очень красиво пели. Их музыкальные способности и любовь к народной песне передались моей маме. А от мамы — мне с сестрой...

Жизнь на Полесье особенная. В лес не ходили — в лес плыли на лодках. Собирали чернику — где повыше. А за клюквой добирались в Переброды — туда, где молодой Куприн, впечатленный красотой Полесья и сложными судьбами жителей этого края, написал «Олесю». Я сама даже помню, как нас с сестрой 7-ми и 11-летних взяли за орехами. Настоящими, лесными орехами. Мы долго плыли на лодке. Вербы арками смыкались от берега до берега

заводи. Красота сказочная! А еще дед рыбачил и собирал грибы — приболотухи — по-научному «шампиньоны». И какими вкусными были бабушкины крышаны из печи и пшенная каша с пригарками в чугунке! А как интересно было слушать рассказы про ведьм! В тех краях, как известно, люди верят не только в Бога, но и в потусторонних персонажей. Пропало молоко у коровы — чай, ведьма забрала. Увидел лягушку в стойле у коровы — ведьма она и есть!

Помню, когда я была маленькой, дед Василь тешился мною и приговаривал: «Каб твое лихо пропало!» Наверное, в награду за достойно пройденные жизненные испытания Бог дал возможность моим бабушке и дедушке «дождать» 14 внуков и 20 правнуков!

...Дед был крепкий. В 82 года он вел корову «до быка». Она бежала, а дед удерживал ее на веревке, спешил за ней. Не заметил колышек, зацепился и упал. Перелом шейки бедра... Через месяц его не стало... А бабушка прожила без деда еще семь лет. Под конец жизни бабушка ослепла. Ее лучшим другом стало радио. Она узнавала по голосам абсолютно всех дикторов Первого национального канала....

Я была у бабушки последний раз в 2012 году. Бабушкин дом, некогда любимый и уютный, показался таким одиноким, как опустевшее гнездо. Взяла тогда с собой видеокамеру поснимать на память. Обвожу объективом стены, иконы, печь. А по радио звучит песня:

«І зноў пабачыў я сялібы,
Дзе леты першыя прайшлі:
Там сцены мохам параслі,
Вясёлкай адлівалі шыбы,
Усё ў пылу. І стала мне
Так сумна, сумна ў цішыне.
Я ў сад пайшоў. Усё глуха, дзіка,
Усё травою зарасло.
Няма таго, што раньш было...»

И так больно сжалось сердце...

Полесье — чудный край, его история, как и история моих предков, мне очень интересна и важна. Жизнь не стоит на месте, деревни осовремениваются, традиции и обычаи, к сожалению, забываются, но мой слух до сих пор чутко реагирует на типичный полесский говор тех, кто уже давно выехал из этих замечательных мест.

Теперь я уверена, чтобы понять, кто я, почему я именно такая, а не другая, важно знать свою родословную: имена предков, даты их рождения, род занятий, особенности характера, национальные корни.

Важно знать, чтобы передать эти знания потомкам.

Важно знать, чтобы осознанно чтить святую память о предках.

ОТ АВТОРА. *Я начала описывать только одну фотографию. И вот что получилось. Но это только род по маме. А еще есть подобные фото по папиной линии. Там очень сложная судьба у бабушки. Война, муж, который дошел до Берлина, 8 детей, (шестерых из восьми похоронила), пожар, свадебные караваи на всю деревню, мудрость и юмор бабули и т.п. Похоронены мои беловежские предки в Рожковке, той самой, о которой писал в «Рассказе о чуде в деревне Рожковка» М. Пилипук в «Астрамечаўскім рукапісе» № 4(8), 2014, с. 63. Мне бабушка тоже об этом чуде рассказывала.*

Я давно хотела собрать все сведения в один рассказ, но не доходили руки. Села писать и понимаю, что кратко не могу...

Моей земли негромкая судьба

Приглашает «Краеведческий хуторок» пос. Мухавец

Сейчас во многих школах и сельских клубах есть уголки старины, где хранятся вещи, которые использовали в быту наши предки. Не так уж давно это было! А сколько находится предметов, назначенье которых нами и вовсе утрачено. Как быстро мы теряем те знания и навыки, которыми наши дедушки и бабушки владели в совершенстве...

С одной стороны, это хорошо — прогресс, что ни говори! А с другой.... Не хочется терять корни и становиться перекати-поле без роду и племени. В каждой семье всегда найдется предмет старины, которым пользовались наши прадеды. В последнее время очень часто приходится сталкиваться с такими фактами: спрашиваешь человека про старые вещи, вышивки, а он отвечает: «Да-да, были. Вот, на днях чистил кладовки, да все и выбросил, сжег на костре!» Сжег на костре... Пустил по ветру!.. Даже не возникла простая мысль — сохранить, отнести в музей, благо, такие музеи сейчас не редкость. У нас пока еще есть в старых клунях и на чердаках жалкие остатки этих таких нужных прежде вещей. Но с каждым годом они исчезают, и путь их практически один и тот же — свалки, мусорки, костер...

Краеведческий
Хуторок

Народные костюмы на себя примеряли и погружались в крестьянский быт ученики Мухавецкой школы: Дима Рыбников, Алеша Крац и три сестры Босацкие — Кристина, Валентина и Надежда. Руководитель кружка «Краеведческий хуторок» — Владимир Александрович Босацкий

Невольно задумаешься: почему одни люди бездумно выбрасывают частички нашей памяти, старины, а другие, наоборот, ходят по домам, интересуются у старожилов прежней жизнью, собирают по крупицам предметы старинного быта, орудия и приспособления крестьянского труда, восстанавливают их и с гордостью помещают в музей. А потом туда приходят наши внуки и с распахнутыми от удивления глазами слушают. Смотрят. Трогают пальчиком... Порою, поди, не верят, что в этой ступе толкли зерно — делали крупу, а вот тот громоздкий предмет, на самом деле — утюг, ну, а в этом сундуке хранили одежду, потому как привычных для нас платяных шкафов в старину еще не было...

Вот такими увлеченными, любознательными, влюбленными в нашу белорусскую культуру и есть супружеская чета — учитель истории Мухавецкой школы Владимир Александрович Босацкий и его жена Тамара Вячеславовна, библиотекарь сельского Дома культуры (сейчас находится в декретном отпуске). Если многие музеи создавались по принципу «собирали предшественники, а теперь их работу продолжаю я», то свой этнографический уголок семья Босацких начинала собирать сама. Смотришь и диву даешься — все это работа всего лишь двух человек! Делают они это с увлечением, понемногу вовлекая в работу и своих детей, которых ни много, ни мало — четыре дочки! Правда, самой

младшей еще нет и годика, но растет-подрастает будущая помощница!

Много времени уходит на создание этнографического уголка. Случается, что в поисках экспонатов жертвуют своим личным временем, нередко в ущерб своей семье. Как говорится, охота пуще неволи! И хлопотно этим заниматься, а уже и не отступишься — это стало частью твоей жизни. За такой короткий срок собрать экспонаты и сделать замечательный этнографический уголок практически с нуля — все это вызывает неподдельное восхищение и уважение.

И совсем непросто разговорить человека, чтобы он поведал что-нибудь интересное о прежних временах. Бывает сложно убедить, что лучше отдать памятные вещи в музей, нежели по инерции держать у себя дома. Ведь в большинстве случаев все эти прялки, ступы, жернова, вышивки и жбаночки пылятся на чердаках, или в старых чемоданах да сундуках, или просто валяются в углу сарая.

Как же появился этот мини-музей? А началось все с наследства Тамариной бабушки, Агафьи Харитоновны Колчук, по-домашнему попросту — бабы Гапы. Она местная, жительница Романовских хуторов, прожила 94 года. В бабушкином доме было много вещей, которые верой и правдой служили своей хозяйке в прежние времена. Владимиру Александровичу, как историку, были интересны эти самобытные вещи. Появилась идея — собрать культурные ценности, имеющие свои особенности, присущие нашему краю. Так что первые экспонаты — от бабушки, а потом и школьники приносили. Затем — односельчане, увидав коллекцию утюгов, говорили: «О, и у меня есть такой, я принесу». Так появились в этнографическом уголке интересные экземпляры утюгов с пароотводами. Таким же путем пришли ткацкие кросны, необычный фонарь железнодорожного обходчика с меняющимися стеклами, рушники, салфеточки и многое другое.

Экспонаты приходили из разных, порой неожиданных мест. Так, ручные гранитные жернова обнаружили, когда делали ремонт забора между участком бабы Гапы и соседей. Копая ямку для столбика, нечаянно выворотили из земли сначала одну часть жерновов, а затем, рядом нашли и вторую часть с высеченной датой — 1910 год. Вот так находка! Она заняла достойное место среди других орудий труда прошлого.

Железная перцемолка пришла от другой бабушки, Босацкой Анастасии Васильевны из деревни Страдечь. У этой мельнички для специй своя история — родом она из Польши. Бабушке она досталась от польского осадника (тогда в Страдечах, в 20-е годы, жили польские офицеры). Владимир Александрович помнит, как в его детстве мама молола на ней перец. Теперь уже никто не держит старинную мельничку за узорчатые бока, не крутит фигурную ручку. Верная помощница находится на заслуженном отдыхе, стоит на музейной полочке рядом с другими экспонатами.

Странички альбома «Моей земли негромкая судьба»

Этнографический уголок находится в одной из комнат бывшей гостиницы, ныне — Центр туризма и краеведения детей и молодежи Брестского района. На период летних лагерей здесь гостят дети из всех школ Брестского района. Еще больше возможности познакомиться с бытом наших предков появилось не только у местных жителей, но и у всех, кто приезжает в Брест на экскурсии и останавливается в этом центре.

Еще не все экспонаты обрели свое постоянное место, предстоит много работы по созданию экспозиций. Но экскурсии продолжаются! Частенько сюда заглядывают школьники, приводят своих подопечных воспитатели местного детского сада. Здесь можно от души полюбоваться на чудесные вышивки, сделанные умелыми руками наших бабушек. Не только посмотреть, но и примерить на себя давние девичьи наряды, в которых красовались некогда девушки нашей местности. Да еще устроить фотосессию! Что ни говори, а блузки да фартушки, украшенные богатой вышивкой, совершенно преображают наших современных девушек!

Музеи крестьянского быта во многом однотипны, и нечасто там встретишь настоящие раритеты. Но, тем не менее, — это вещи НАШЕГО края, которыми пользовались НАШИ земляки, и в музей приходят НАШИ внуки. И часто бывает, что школьники, когда попадают в этнографический уголок на экскурсию, с гордостью говорят: «А вот эта коса — моего деда! А эту картину вышивала моя бабушка!». Поэтому так важно, чтобы музейные экспонаты не были безымянными, а имели конкретную «прописку», хранили имена своих хозяев, ушедших либо еще живущих.

Тамара Вячеславовна Босацкая занимается не только этнографическим уголком, у нее есть свой проект — составить альбом «Моей земли негромкая судьба». Сюда войдет информация и фотоматериалы по истории нашего сельсовета, школы, Романовских Хуторов (так величали наш поселок в прежние времена). А также — про ветеранов Великой Отечественной и Афганской войны, про наших славных земляков, заработавших в мирное время ордена и медали.

И вновь за дело! Собирается информация, старые фото и документы, а это — снова поездки, встречи с односельчанами. Вот и растет потихоньку заветный альбом, добавляются новые странички. Значит, память сохранится...

Как хорошо, что есть на земле такие неравнодушные люди!

Алла КРАЦ, п. Мухавец, фото автора

КАЛАЎРОТ КУЛЬТУРНАГА ЖЫЦЦЯ

70 лет ПОБЕДЫ

8 мая

в агрогородке Большие Мотыкалы прошли торжественные мероприятия, посвященные 70-летию Великой Победы. В центре события — открытие памятного знака в честь защитников Отечества и жертв войны в деревне Большие Мотыкалы, торжественное шествие ветеранов, прохождение «Бессмертного полка», праздничный концерт. На церемонию открытия собрались местные жители, ветераны войны, участники партизанского движения, руководители района и хозяйств, общественность.

Дань памяти павшим отдают председатель Брестского райисполкома Владимир Мацука и председатель райсовета Людмила Жукович

Большие Мотыкалы. Открытие памятного знака жителям сельсовета, погибшим в годы Великой Отечественной войны (скульптор П. Герасименко)

Бывшая партизанская связная Надежда Плахотная возлагает цветы к памятному монументу

Прохождение мотыкальского «Бессмертного полка»

Владимир Мацука вручает ветеранам юбилейные медали

Цветы победителям

Есть порох в пороховницах! Участник войны И.К. Михальцов из Омелинно в задорном танце

Председатель ветеранской организации Томашовского сельсовета В.И. Панасюк и участник войны А.К. Карпюк

Перед земляками выступает уроженец деревни Большие Мотыкалы, орденоносец Д.Т. Волынчук

Выступает народный вокальный ансамбль Чернавчицкого СДК «Благовест»

Ветераны стоя приветствуют выступления самодеятельных артистов

Народный ансамбль песни «Спадчына» Тельмовского СДК

Солистка Аня Титович из Скоковского СДК

Сценка военно-исторической ретроспективы «Наш 10-А класс» в исполнении работников культуры Брестского района

Правнуки героев в шеренге «Бессмертного полка». Большие Мотыкалы

9 мая

в Брестской крепости состоялся многотысячный митинг, посвященный Великой Победе. «Никто не забыт, ничто не забыто» — таков лейтмотив всех событий, происходивших повсеместно в дни всенародных торжеств

Венки от тружеников Брестского района возлагают к мемориалу павшим защитникам Цитадели В.А. Мацука и Л.В. Жукович

Многолюдно было на площади Церемониалов легендарной крепости над Бугом

Фото Виктора Карпика, Ирины Кухарчук, Виктора Байковского

«Был месяц май...»

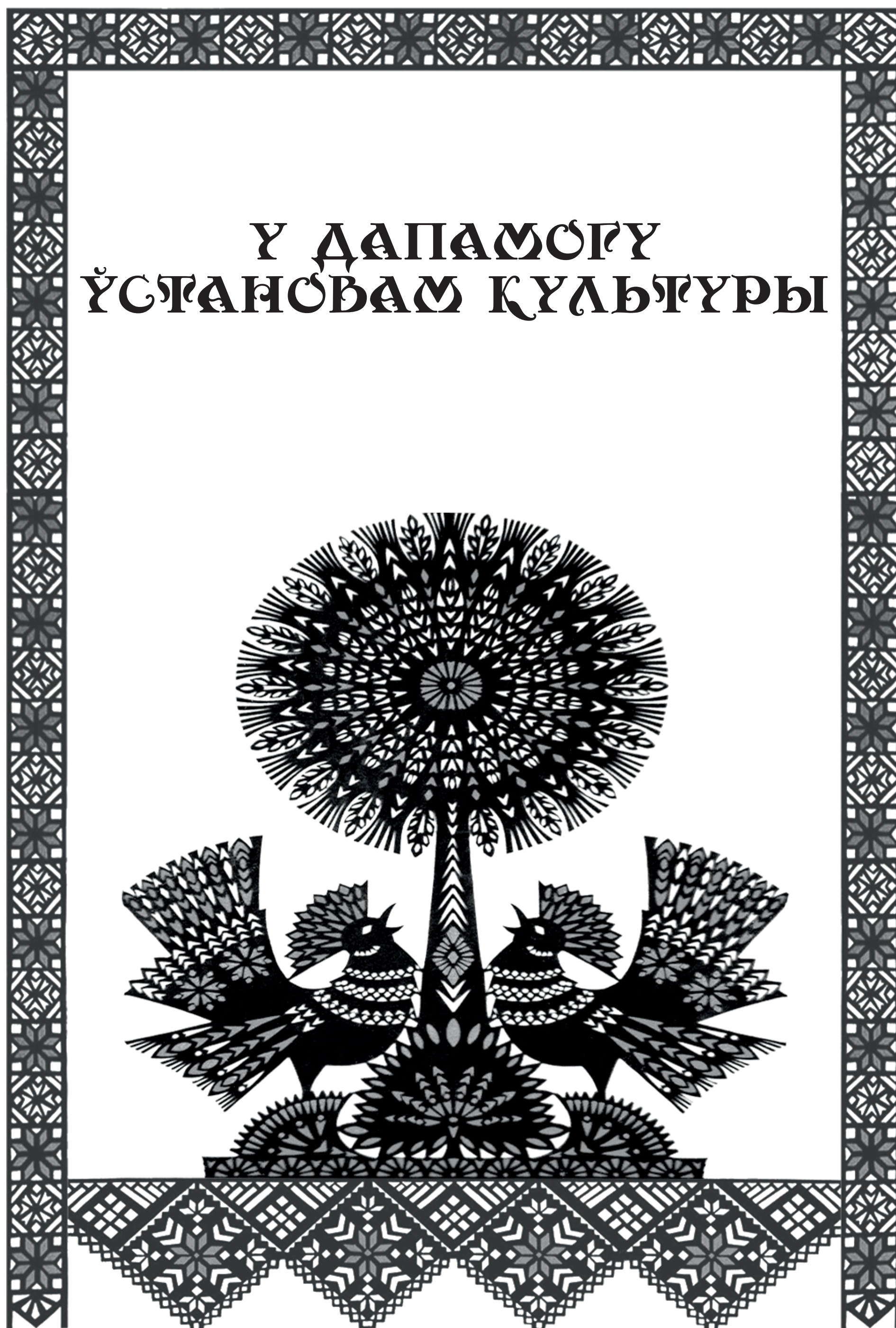
Под таким названием в выставочном зале по ул. Советской с 30 апреля по 12 мая в рамках мероприятий, приуроченных к 70-летию Победы, разместилась экспозиция брестских художников.

Картины, представленные на выставке, напоминают о событиях Великой Отечественной войны, эпизодах обороны Брестской крепости.

В экспозиции можно увидеть работу художника Н.И. Гурщенкова «Портрет Александра Волковича», автора книги «Письма войны».

Это документальное, публицистическое издание: копии и дословные тексты писем с фронта участников войны 1941–1945 гг. — уроженцев Брестской области, а также бойцов и командиров, освобождавших Белоруссию в составе частей и подразделений Белорусских фронтов, партизанских отрядов; письма с тыла на передовую жителей Белоруссии, родственников воинов и партизан. Представлены также малоизвестные письма защитников Брестской крепости, партизанские дневники и рисунки, письма из фашистской неволи белорусских остарбайтеров, некоторые биографии, истории и судьбы.

У ДАПАМОГУ ЎСТАНОВАМ КУЛЬТУРЫ



Абрад «пырыхідшчына», або «ўлазіны»

на фальклорным матэрыяле, мясцовай гаворке, па ўспамінам жыхароў вёсак Кабёлка, Ляплёўка, Чэрск і інш. Брэсцкага раёна

ДУА «Сярэдняя школа г.п. Дамачава»
1-е месца на фальклорна-экалагічным фестывале
«Таямніцы Прыбужскага Палесся», 2014 г.

Распрацоўка: УТЫКАНСКАЯ Іна Мікалаеўна,
настаўніца беларускай мовы і літаратуры Дамачаўскай СШ
Пастаноўка: УТЫКАНСКАЯ Іна Мікалаеўна,
ГРУЗІНСКАЯ Валянціна Грыгорьеўна,
настаўніцы беларускай мовы і літаратуры Дамачаўскай СШ
Музычнае суправаджэнне: НОВІК Аляксандр
Удзельнікі: вучні старэйшых класаў Дамачаўскай СШ

Вядучы: Добры дэнь у вашу хату.
Хочэм сёння росказаты,
Ды й шэ трошкі показаты
Ны вэсілле, ны родыны,
Ны вэчоркі, ны крыстыны.
Обойдэмось бэз базара,
Славыть будэм господара.
Хату вміе будоваты,
Пэрэхідщыну справляты,
Шэ й законы соблюдаты.

Песня Чорны очы, як тэрэн,
Колы ж мы ся побэрэм?
Побэрэмось в ныділю,
Маю в сэрцы надію.
Куды ж ты мня повэдэш,
Колы хаты нэ маеш?
Пуйдэм, сэрцэ, в чужую,
Покі свою збудую.
Чужа хата нэ своя,
Шэ й свыкруха лыхая.
Чому ж хата нэ своя?
Чом свэкруха лыхая?
Як ны лае, то бурчыть,
А все ж вона нэ мовчыть.
В мэнэ маты нэ бурчыть,
Хочэ нас всёму навчыть.
Постав хату з лободы,
А в чужую нэ вэды.

Хлопэць (чухае патыліцу):
Трэба слово трыматы,
Буду хату будоваты.
А шоб хату збудоваты,
Трэба звычаі всі знаты.
Пуйду до старого Гната,
З ім розмову буду маты.

Сядзяць трое сялян. Падыходзіць Іван:
Шо, Іванэ, зажурывся, ажно чуб на бік схілывся?
Мусыть, дівка молода нэ дае тыбі жыття?
Пуд гучыма чорны кругі, можэ бігаіш до другій?

1-ы мужч.: — Ой, тыі бабы! Мыні од жінкі жыття ныма! Дыхаты ны дае!

2-й мужч.: — А в мэнэ наобурот. Тылькі зайду в хату, удразу просыть: «А, ну, дыхны!»

Іван: Дедьку Гнату, дуружэнькій,
Пудскажы мыні, роднэнькій,
Кулы, з чого роспочаты,
Хату нову збудоваты.
Гнат: Кулы місяць в пуследній квадры,
То дэрэво для будовлі будэ ладнэ.
А ссычэш дэрэво в мулудік,
То у хаты нэдовгі будэ вік.
Еі хутко сточыть шашаль,
Сэмья зайдэцця от кашлю.
І рыплывэ ны быры,
Бо прынысэ вуно мніго быды.
Іван: То кулы ж тут будоваты,
Дівку шоб нэ прузіваты?
Гнат: Дівка можэ почыкаты,
Впэрш готов дэрэво на хату.
А як прыйдэ соковык,
Дэрэво умацуе сык,
То бырыся за сукіру,
Хату свою будуй сміло.
Іван: Алы шо, дедьку, трэба знаты,
Дэ ліпш хату будоваты?
Гнат: Встаеш ранынько-ранком,
Бырэш чугунок з павуком,
І як той кросны начнэ ткаты,
То місцэ добрае для хаты.
Іван: А пры закладцы хаты,
Якій звычай трэба знаты?
Гнат: Слухай сюды:
Схуваеш за вугол хліб і грошы,
То жытте будэ хорошым.
А пуд кожны з чотырох вуглов,
Шоб застырыгчы дом од пэрунов,
Подложы ладану, свячоныя хвойныя лапкі,
І жыттё будэ гладкім.

Вядучы: Намотав собі на вус
І заклав свой пэршы брус,
Дэнь за днем складав він бровны,
Так і выcрослы хоромы.
Утворылася сэмья,
Пэрэхідшчына прыйшла.

Старая хата. Накрыты стол настольнікам, на ім хлеб-соль. Гаспадар запаліў свечку перад абразам і пасля агульнай малітвы кладзе ікону сабе за пазуху.

Вядучы: В старый хаты собралыся
Господар, господыня і вся іхняя родына.
За стыл вуны пусядалы,
Молітву тішком пучыналы.
А потым сусідушку-домового гукалы,
В наву хату ёго с собою заклыкалы.

Іван: Сусідушка-домовы, пуйдым в новую хату, як жылы в старый хаты добрэ і ладно, так будэмо жыты і в новый. Ты любы мое семейство і мою скотыну.

Вядучы: Потым дружно поднялыся,
В нову хату потяглыся.

Накіроўваюцца ў новы дом. Гаспадар нясе ікону, ката, пеўня; гаспадыня — хлеб-соль, гаршочак с вучэльчыкамі; сямейнікі — астатнюю маёмасць. Адчыняюцца дзверы. Гаспадар пускае ката са словамі:

Во, тобы, господар, пухнаты звір на богаты двір.

Затым пускае пеўня:
А ты, півню, дуружэнькі,
Заспывай нам голоснэнько,
Шоб нам добрэ тут жылося,
В новый хаты все вылося.

Вядучы: Звычай стары соблюдалы:
Клубок з ніткою кідалы.
І по ім по старшынству
В хату входылы свою.

Кідае клубок нітак, уваходзіць, трымаючыся за нітку, гаспадыня і астатнія. Ставіць ікону. Гаршчок з вугельчыкамі, накрыты белай просцінкай, абносіць уздоўж сцен, высыпае вугельчыкі ў печ, а знятай просцінкай трасе па ўсіх вуглах, прыгаварваючы:

— Прыходзь-ка, братушка-домавы, заходзь в новую хату на бугаты двор, на жытье, на бытье, на богачество.

Гаспадыня, сыплючы ў печ збожжа, кажа:

Піч я збожжам пусыпаю,
Дэвіть жмэнь в еі кідаю,
Шоб на стэнцы той пэчі
Можно гляныць навэсты,
Шоб куродым нэ прыставав,
І дым вочы ны выідав.

Стук у дзверы. Заходзяць госці:

Дэнь добры тому, хто в гэтым дому!
Чы шырокі в вас лавкі, шоб нам посыдіты?
Чы добры хозяін, шоб нас угостыты?

Іван: Заходьтэ, госці, в хатку:
Старыі бабы для порадку,
Дівкі і молодыці пысні спываты,
А вдалы хлопці потанцюваты.

1-ы госць: Кідаю грошы на піч,
Шоб вуны вылыся,
Шоб бугатымі булы,
У достатку вік жылы.
Хліб-соль кладу на стыл,
Шоб всігды за ім був пір,
А збожжа ставлю на лавку,
Шоб вылася гуспадарка.

2-і госць: Прімітэ уд мэнэ сало, шкваркі,
Шоб у хаты ны було сваркі.

3-і госць: Дару увечую вовну,
Шоб кожухів було повно.

4-ы госць: Шоб солодко вам жылося,
Шобы всё у вас вылося,
Я прынісла вам мыдку
І мышок вам цукорку.

5-ы госць: А я прынісла гуску,
Шоб жінка мужу
Ны давала спуску,
А пуд сіннык кладу жылізны кіёк,
Шоб у вас хучій нарудывся сынок.

Усе разам: Ну, шо, гуспудар, частуй добрых людэй!
Як всё будэ гладка, то будэ достатку.

Іван: Декуй вам за пударкі,
За стулы сядайтэ шпарко.
Йішты, пыйтэ і гуляйтэ,
Мую хату прославляйтэ.

1-ы госць: Подывітэся на стыл,
Вочы разбыгаюцця.
2-і госць: Господыня молода
Для людэй стараецця.
3-і госць: Чого тылькі тут ныма,
Аж свыло всі сківыці.
4-ы госць: По губы быжыть слюна,
Налывай-но слывыці!

Размова за столом:

— Ну і забор у вас, кума! Высочэнны, ныма ны йіднэй дыркі. Вы шо, крадэное хуваіты уд людского вока?

— Господь с вамы, кума, там і чэсно запрацюванае е.

— А чуго то, сусідко, твоі куры всё грыбуцця в моёму городы?

— О, сусідко, ты ж сама гуворыла, шо вэльмы любіш, кулы ду тэбэ госці приходять!

— А в мэнэ кур повный двір, аж в гочох рабыть, а ейцюв ны бачу. І шо то за быда?

— Всё уд Бога. Одному дае, а в когось забырае. У мэнэ, к слову сказаты, ны йіднэй курыці, а ейцюв в хлыві, як картоплюв.

Жанчына: А ты, дітятко мое, шо така худэнька?
Маты йісты нэ дае? Марнэнька, ызэнька.
Шо за мода вжэ пошла, фігуры соблюдаты?
Пудывыся на мэнэ, е за шо трыматы.
Дзяўчына: Тётко, чым мэнэ чыпляты, ліпш вам пісню заспіваты.

Песня «Чарачка»

Ой, чарачка, румачка,
Ой, медавая,
С кім я еі пыты буду,
Ой, маладая.
Ой, пайду пажалюся біломусвіту.
Ой, ныма мыленького, ой, з дому зйіхав.
Ой, пойіхав мыленькі, ой, воюваты,
Ой, покінув дівоньку, ой, горюваты.
Шчэ й малого сыночку, ой, годуваты.
Нашчо в полэ коныка, мылэнькі, гоныш,
Нашчо в полы саблэю гострою звоныш?
Плач зу мною, вербочко, плач ды журыся,
Ой, вырныся, мылэнькі, жывы вырныся.

Выпьем с тобой чарочку, ой, мэдовую,
Выпьем с тобой чарочку, ой, молодую.
Ой, сэрдэнько, сэрдэнько, плач ды молыся,
Ой, вырныся, мылэнькі, жывы вырныся.

Дзед: От, дівкі, тоскі нагналы!
Шо б высэлішшэ заспывалы!

Песня «Пырогі»
Служыв козак у войску, мав років двацщать тры,
Любыв козак дівчыну тай с сыром пырогі.
Ой, чула чы не чула,
Ой, чула-чула я:
Любыв козак дівчыну
Тай с сыром пырогі.
Ой, с сыром чы без сыру, чы с білою мукі,
Горячы чы холодны, абы лыш пырогі.
Ой, чула чы нэ чула,
Ой, чула-чула я:
Горячы чы холодны,
Абы лыш пырогі.
Дівчына відгадала козацкі мріі-сны:
Давай йёму варыты і з сыром пырогі.
Ой, чула чы нэ чула,
Ой, чула-чула я:
Давай йому варыты
І з сыром пырогі.
Пойшлы воны до лісу, усілысь, як моглы,
Вона ёго цылуе, а він ісць пырогі.
Ой, чула чы нэ чула,
Ой, чула-чула я:
Вона ёго цылуе,
А він йість пырогі.
Напалы козачэньку тай злыі ворогі,
Забралы дівчынонньку тай з сыром пырогі.
Ой, чула чы ны чула,
Ой, чула-чула я:
Забралы дівчынонньку
Тай з сыром пырогі.
Собралысь добры люды, догналы ворогів,
Забралы дівчынонньку тай з сыром пырогі.
Ой, чула чы нэ чула,
Ой, чула-чула я:
Забралы дівчынонньку
Тай з сыром пырогі.
Козак мав довгі ногі, скакав чэрэз ровы,

Прыбіг в сыло і крыкнув: «Ратуйтэ пырогі!»
Ой, чула чы нэ чула,
Ой, чула-чула я:
Прыбіг в сыло і крыкнув:
«Ратуйтэ пырогі!»
Ой, хлопцы ж, вітэ хлопцы, такіе ж вы завжды,
Нэ любіте дівчат вы, а з сыром пырогі.

Жанчына: Шо, діду. Сыдыш, на дівок зыркаеш?
Нашы дівкі хоть куды, в руках не втрымаеш.
Дзед: Хоч сывая борода, но душа шэ молода!
Закіпае в жылах кров, шэ готов я на любов.
Жанчына: Помовчы, стары пэнёк!
Прычыпывся до дівок!
А я шо, нэ молодыця?
На мыні горыть сподныця!
Ускаквае з лавы:
Ой, тупну ногой, тупну другою,
Пойду польку скакать да й по кругу я.
Жанчына: Шо ты сіднэм сыдыш? Вставай, пузом потрасэш!
Муж: Я танцую, топочу —
Скрыпять половыці!
Жанчына: Нэ подскакуй до горы —
Тріснуть нагавыці!
Моладзь: Хватыть вам всё жартуваты, дайтэ нам потанцюваты!
Жанчына: Танцюваты будэш, Вань?
Становысь на «Под Іспань» (танец).
Дзяўчына: Покрутылысь так і сяк,
Потайцюймо краковяк (танец).
Іван: А тыпер добавым газу,
Нашу польку вріжым разом (танец).

Дзяўчына: Эх, баян, эх, баян, свуе діло знае,
Він в Івановых руках добрэ так іграе.
Хлопэць: Шо з ногамы, нэ пойму,
Вправо-вліво носяцця,
Нэ стоять воны на місцы,
Так до танцю просяцця.
Дзяўчына: Муй дружок, ох, хорошый,
Да росточком вэльмэ мал,
Проводыв мэнэ до хаты,
Я чыхнула — він упав.
Дзяўчына: Мынэ мылый ны цылуе,
Говорыть: «Курносая»,
Як жэ я його цылую,
Чорта довгоносого.
Старая жанчына:
Вэсэлітэся, вэсэлітэся,
тылькі ж глядытэ, хату нэ розвалітэ!
Жанчына: Пылы, йілы та й гулялы,
Пырыхідшчыну справлялы,
З сёго доброго двора
Нам додому вжэ пора!
Муж: Шчыро декуемо вас,
Шо пойілы мы ковбас.
Жанчына: Пэрэпав шматочок сала.
Муж: Бражка по вусах быжала.
Высылылысь од душы.
Добрэ, шо до вас зайшлы!
1-ы госць: Ну, шоб ны було в хаты сваркі,
Кулы пудчас пропустыш чарку.
2-і госць: Шоб ны було маланкі-грому,
Як жінка спізныцця додому.
3-і госць: Дай Божа вам куры пудпічок,
Ейцюв засічок
І дітэй заплічок.

Спяваюць: Бувайтэ здоровы, жывітэ бугато,
А мы вжэ пуйдэмо додому, ду хаты!

Вядучы: Пэрэхідшчына пройшла,
Сэмья дружно зажыла.
А шоб і в вашый хаты був лад,
Соблюдайтэ наш обрад.

Матэрыялы раздзела падрыхтаваны да друку з удзелам Наталлі Тапалавай, бібліятэкара Дамачаўскай пасялковай бібліятэкі

Вінцэнт Дунін-Марцінкевіч — адзін з заснавальнікаў беларускага тэатра

Вінцэнт-Якуб Дунін-Марцінкевіч
4 лютага 1808 — 29 снежня 1884 (76 гадоў)

В. Дунін-Марцінкевіч з дачкой Камілай у групе інтэлігенцыі горада Мінска (пачатак 1860-х гг.)

4 лютага 1808 года нарадзіўся аўтар «Ідыліі» і «Пінскай шляхты», адзін з заснавальнікаў беларускага тэатра Вінцэнт Дунін-Марцінкевіч. Вядома два фотаздымка пісьменніка, якія зрабіў знакаміты майстар Антон Прушынскі: групавы і партрэт. На фота пісьменнік сядзіць за сталом, апрануты ў чамарку са стаячым каўняром — адзенне з саматканага сукна з цёмнымі палоскамі на грудзях, якую насілі паўстанцы. У левай руцэ ён трымае паперы з тэкстам. На развароце подпіс па-польску «Фотаатэльe А. Прушынскага ў Мінску-Літоўскім». Яшчэ ў 1861 годзе жандармы склалі спіс удзельнікаў дэманстрацый у Мінску, сярод якіх значылася дачка Дуніна-Марцінкевіча Каміла, а таксама фатограф Прушынскі. У 1863 годзе яго арыштавалі за антыдзяржаўную дзейнасць.

Падтрымліваючы паўстанцаў пад кіраўніцтвам Кастуся Каліноўскага, Дунін-Марцінкевіч разам з Уладзіславам Сыракомлем ездзіў да Варшавы з агітацыйнай дзейнасцю. У 1864 годзе пісьменніка арыштавалі і пасадзілі ў Пішчалаўскі астрог (сёння СІЗА на Валадарскага ў Мінску), праз год выпусцілі, выпісаўшы вялікі штраф, абмежаваўшы права распараджацца маёмасцю, а таксама прадпісалі бязвыезна жыць у радавым маёнтку пад наглядам паліцыі. У маёнтку Люцынка і пражыў пісьменнік амаль 20 год да сваёй смерці.

Чытаць поўнасцю: http://news.tut.by/culture/433952.html

АСТРАМЕЧАЎСКІ РУКАПІС

БРЭСЦКІ РАЁННЫ КРАЯЗНАЎЧЫ АЛЬМАНАХ • № 2 [10]•2015